

"Мой враг - мое сердце (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

===== глава 1 =====

Пыль, шум, смог — неизменные атрибуты индустриальных городов. Неприветливые лица, потоки машин и неоновые вывески ночного города. Огромный муравейник, так неприветливо относящийся к новоприбывшим.

Данил не понаслышке знал, что такое Город. Именно так, с большой буквы. Он родился и вырос в мегаполисе под неусыпным контролем матери и непрекращающимися подзатыльниками старшей сестры. Окончил школу с золотой медалью. Поступил в университет на бюджетное отделение. Пользовался популярностью у представительниц противоположного пола. И все было бы похоже на сказку. Если бы не одно «но»...

Молодой человек всегда хотел путешествовать, чувствовать свободу, которую не мог получить в душных стенах родного города, узнать больше о других странах, других народах, другой культуре. Однако эти мечты оставались лишь мечтами.

Его мама никогда не отличалась хорошим здоровьем, а отец скончался задолго до достижения Данилом совершеннолетия, так что все заботы о семье легли на его молодые мужские плечи. Денег не всегда хватало, но семья не жаловалась. Точнее, почти вся семья. Кристина — старшая сестра Данилы всегда отличалась расчетливым и циничным характером, что совсем не украшало ее обворожительную внешность. Ей нужны были деньги. Чем больше, тем лучше. Она была хороша собой и прекрасно этим пользовалась. Манила мужчин своим миниатюрным пальчиком, а потом мастерски водила за нос. Но не в этом было ее достоинство. Не это любил Данил в сестре. Кристи — девушка, твердо знающая чего хочет от жизни. Девушка, умеющая добиваться поставленных целей. Вся в отца.

В их семье у детей на удивление гармонично распределились характеры. Если девушка получилась несгибаемой и знающей себе цену, то Данила был мягким человеком, открытым и доброжелательным. Таким он был для окружающих и большинства своих друзей. Но только по-настоящему близкие люди знали, насколько тверд его внутренний стержень, насколько ранимым и в то же время сильным может быть этот девятнадцатилетний паренек.

Он всегда был мечтательным, но не инфантильным. Доверчивым, но не наивным. Возможно, поэтому с ним было тяжело общаться. Он был человеком контрастов, похожим на мать, subtilным подростком. Еще не мужчина. Уже не мальчик.

Его близкими друзьями были соседский мальчишка Васька, когда-то давно переехавший в их дом, в квартиру напротив, и одноклассница, а затем и однокурсница Марьяна, бойкая и шустрая, словно бесенок. Именно они всегда поддерживали его и любили просто так. Ни за оценки, ни за внешность, ни за покладистость, а просто, потому что он был. И вот уже двенадцать лет Данила отвечал им взаимностью. Иногда, в детстве, они забирались на чердак и мечтали, как взрослыми людьми смогут обогнуть весь земной шар, побывать везде, где только можно. Детский лепет, наивный и полный оптимизма. Сменившийся позднее ностальгическими воспоминаниями и надеждой, что когда-нибудь что-нибудь произойдет.

Кристина была на шесть лет старше Данилы, поэтому считала себя бессменным авторитетом в глазах брата и не забывала ему об этом периодически напоминать.

Ей было двадцать два, когда, сияя, словно начищенный до блеска самовар, она с порога огорошила мать и шестнадцатилетнего брата-абитуриента новостью о предстоящем отъезде в Англию.

Судьба решила предоставить ей шанс, которым, по ее мнению, грех было не воспользоваться. На выставке художников-импрессионистов, куда упирающуюся Кристину притащила подруга, вальяжной походкой прогуливался иностранец. Картины его интересовали мало. Он был настоящим ценителем женской красоты и оценивал скорее посетительниц выставки, нежели произведения высокого искусства. Тогда на его пути появилась Кристина и мертвой хваткой вцепилась в его, как позднее выяснилось, синие глаза, темные волосы, высокий рост и шикарную фигуру. И, конечно, в предположительно бездонный кошелек.

Данила был зол. На безответственность сестры. На такое безразличное отношение к матери и ее чувствам. Кристина согласилась уехать сразу же. Как только поступило приглашение, в котором явно, неприкрыто сквозил намек. На этого таинственного англичанина, который даже не изъявил желания познакомиться с ними. А еще он был зол на себя. Потому что завидовал.

Этого чувства никогда раньше не было в наборе его качеств и черт характера. Но тогда, видя блестящие черные глаза сестры, он подумал, что дорого отдал бы за возможность уехать в страну дождей и туманов, что сестренка незаслуженно пользуется этим шансом.

Тогда, провожая сестру, он даже не подозревал, что через несколько месяцев получит от нее письмо, в котором ярко и подробно будет описана церемония бракосочетания Кристины Хвостовой и Марка Робертсона. Кристина и Марк. Хвостова и Робертсон. Мда, нарочно не придумаете.

Матери, которая немного приболела, он решил не говорить пока о том, что ее единственная неблагодарная дочь стала миссис Робертсон, поэтому в срочном порядке придумывал другое содержание письма. Он был растерян. Возможно, Кристи поступила правильно, устроив свою жизнь так скоро и так удачно. Но где-то глубоко в душе Данила разгоралась мысль о том, что все произошедшее было наигранным и пошлым. Ненастоящим.

Поэтому его отношение к сестре, как бы он ни старался, неумолимо ухудшалось.

***

С того момента прошло уже три года, пришло всего два письма и случилось несколько скупых телефонных разговоров. Данила продолжал учиться и подрабатывать, общаться с друзьями и ухаживать за мамой. О Кристине он предпочитал не думать.

Пока однажды не обнаружил в почтовом ящике яркий конверт с Туманного Альбиона, спокойно ожидающий своего адресата. Тогда в сердце молодого человека странно кольнуло, но не захотелось придавать этому значения.

— Мамуля, я пришел. Кристина письмо прислала.

— Привет, дорогой, — невысокая худая женщина пятидесяти лет вышла в коридор, чтобы встретить сына. Ее здоровье оставляло желать лучшего, но теплые зеленые глаза горели зазором и жизнью. И это производило странное впечатление, словно за бледностью лица, хрупкой фигурой и неуверенными движениями, скрывалась и набиралась сил одна простая истина: «Я хочу и буду жить!» — Садись ужинать. А то совсем со своей работой замотался.

— Хорошо, мам. Только сначала я прослежу, чтобы ты приняла лекарство, — безапелляционный тон лучше любых уговоров. Это парень знал наверняка.

Чуть позже удивлению обоих не было предела, когда в конверте, помимо наспех написанных строчек, обнаружился авиабилет до Лондона и несколько стодолларовых купюр. Почему-то у Данилы возникло ощущение, что перед ним подачка. Захотелось вымыть руки.

— Что это? — женщина удивилась и уставилась на билет.

— Это билет до Лондона, — ответил парень, пробегая глазами по строчкам.

«Привет, дорогие мамуля и братик.

Простите, что так долго не писала. Все времени не было. Надеюсь, у вас все в порядке.

Даник, я знаю, что ты хотел побывать в Англии. Теперь у тебя появилась такая возможность. Я приглашаю тебя в гости. Здесь просто потрясающая природа. Как раз для твоего увлечения. В аэропорту тебя встретят, так что проблем не возникнет.

Прислала деньги на лекарства. Знаю, что поздно вспомнила и написала. Прошу за это прощения.

Обязательно приезжай. Познакомлю тебя с моим мужем.

Целую. Кристина».

Данила перечитал записку. Именно записку, так как письмом это назвать трудно. Сухие, наспех выведенные на бумаге слова, так удачно связавшиеся в предложения.

Неужели Кристина и вправду думает, что он отправится за тысячи километров ни с того, ни с сего. Просто чтобы познакомиться с мистером X, походить с фотоаппаратом по английской флоре и убедиться, что снобизм англичан — не просто стереотип.

Данила хмыкнул и посмотрел на мать. Женщина лишь мягко улыбнулась и уверенно произнесла:

— Ты должен полететь. За мной поухаживает тетя Зина. Я как раз собиралась к ней съездить, пока погода и здоровье позволяют.

— Мама, я не думаю, что это хорошая идея. Меньше всего я хотел бы видеть Кристину, — он прекрасно понимал, что мама будет любить свою дочь всегда, но знает, как изменил к ней свою отношение Данила.

— А кто говорит о твоей сестре? Это просто хорошая возможность для тебя. Прекрасная возможность. Поэтому просто ради меня, непусти ее.

Молодой человек вздохнул. Он был упрям. Но мама еще упрямее. А уж о мягкой, хорошо завуалированной настойчивости вообще можно было и не говорить. И так все понятно.

Через неделю он стоял в аэропорту лишь с легкой спортивной сумкой в руках и рюкзаком за спиной, заботливо провожаемый причитавшим Васей и периодически дававшей ему оплеухи

Марьяной, чтобы отправиться Бог знает куда, где, как подсказывало то ли чутье, то ли невесть откуда взявшаяся мужская интуиция, сестра его не особенно и ждет...

===== глава 2 =====

Данил никогда не летал на самолетах. Поэтому не было, с его точки зрения, ничего постыдного в том, чтобы покрываться испариной и дрожать, словно лист на ветру, и при взлете, и во время полета, и при посадке. Фобий в современном обществе еще никто не отменял. И Данила с успехом обнаружил у себя одну из них.

Молодой человек внутренне ликовал, после почти пятичасового перелета, когда ступил, наконец, на твердую землю. Багажа больших размеров не предполагалось, поэтому не приходилось о нем беспокоиться. Данил вышел из здания аэропорта Хитроу, вдохнув влажный лондонский воздух, и воровато озирался по сторонам. Он не мог поверить, что находится так далеко от дома. В другой стране. Можно было смело сказать, что его заветная мечта начинает сбываться.

Кристина упоминала, что его должны встретить, но сколько бы не смотрел по сторонам Данила, никого не было. Время, поддаваясь своим, никому не известным законам, ускорило свой бег и чувство беспокойства постепенно начинало зарождаться в мыслях юноши. Неужели Кристина думала, что он не прилетит? Неужели забыла?

Данил был в нескольких шагах от отчаяния, когда вдруг услышал протяжный голос:

— Mr. Chwostov! Mr. Chwostov! — парень увидел зовущего. Пожилой мужчина, приветственно махая рукой, продолжал звать его. Он стоял у до блеска начищенного «Бентли» черного цвета в строгом костюме, который, хоть и не был новым, но определенно сидел на старичке, как влитой.

— Welcome. Nice to meet you, Mr Chwostov. My name is Richard. Mrs. Robertson asked me to send you home. * Добро пожаловать. Рад встрече, мистер Хвостов. Меня зовут Ричард. Миссис Робертсон попросила отвезти вас домой.*

— Oh, thank you, * Благодарю.* . — Данила был польщен, что сестра распорядилась подать машину его августейшей особе, но смутное чувство беспокойства все равно не могло его покинуть.

Несмотря на внешнюю доброжелательность старика и его добродушную улыбку, изредка кидаемую Данилу по дороге, он не был словоохотлив. А молодой человек и не горел желанием разговаривать. Он уже начинал жалеть, что оказался здесь. Англия была холодной темной страной. Краем туманов, окутывающих изумрудные леса и голубые озера. Даже если она и была рада гостям, в это слабо верилось.

Поездка заняла около двух часов и утомленный перелетом и давящей в машине тишиной, Данила задремал, прислонившись к оконному стеклу. Он уже не видел, что его везут в пригород, дальше от суматохи и шума столицы, дальше от Тауэра и Трафальгарской площади, дальше от цивилизации, и соизволил открыть глаза, когда все тот же старичок по имени Ричард потряс его за плечо и объявил о приезде.

То, что открылось перед глазами парня, было похоже на сон. Огромный каменный

трехэтажный особняк, который не могли скрыть даже густые изумрудные деревья. Бескрайние просторы, целое имение, красота которого и завораживала, и пугала. Неподдалеку располагались конюшни, а как позднее рассказал Ричард, если пройти от особняка чуть влево, можно было увидеть огромный цветущий сад. В тот момент Данила подумал, что так должно быть, выглядит рай на земле, поэтому позволил себе беззастенчиво глазеть на простиравшееся перед взором великолепие, открыв рот. А старика, вероятно, забавляла такая реакция, потому что он не преминул хмыкнуть в кулак.

— Excuse me, where can I find Mrs. Robertson? I thought she would be here.* *Простите, где я могу найти миссис Робертсон? Я думал, она будет здесь.**, — интересовался Данила, благодаря Всевышнего за талант к иностранным языкам и компетентных школьных учителей.

— Unfortunately, master's wife is not here at the moment, but Mr. Robertson is in his study. You are welcome to meet him. He was informed about your arrival.* *К сожалению, жены хозяина в данный момент нет, но мистер Робертсон в своем кабинете. Вы можете его увидеть. Он уведомлен о вашем приезде.**, — бодро говорила молоденькая рыжеволосая служанка, с нескрываемым любопытством разглядывая гостя. Данила даже покраснел от смущения. Он подумал, что вряд ли потертые синие джинсы и красный свитер подходят окружающей обстановке. Высокие потолки, широкая лестница из темного дерева, большие витражные окна, сквозь которые пробивался блеклый солнечный свет, и гнетущая атмосфера пустоты и затхлости, даже через свое величие и великолепие внушали чувство страха и одиночества. Странно, что здесь было так мертвенно тихо.

Данила решил быть чуть понаглей, и осмотреться вокруг. Если повезет, он даже найдет кабинет этого Робертсона. Скользя по коридорам и витиеватым проходам первого этажа, парень заглядывал во все комнаты, которые оказывались открытыми. И с каждым разом становилось все интереснее и интереснее, все красивее и красивее. Наконец, отворив тяжелую резную дверь, он попал в залитый светом огромный кабинет, все пространство которого занимали стеллажи с книгами. Их было несчетное количество. Старых и новых, древних и современных. Для Данилы, как настоящего библиофила, здесь были райские кущи. В середине всего этого великолепия стоял массивный письменный стол и несколько кресел. И конечно же, завершая образ настоящего английского кабинета, в дальнем углу красовался камин. Вся обстановка напоминала Англию девятнадцатого века, так часто вспоминаемую в любимых произведениях Данила. Только стоящий на рабочем столе компьютер и расположившийся неподалеку факс, нарушали идиллию и возможно даже историческую нотку этого помещения.

— Who are you? What are you doing here?-**Кто вы? Что вы здесь делаете?** — поглощенный собственными мыслями, Данила вздрогнул от резкого, чуть хриповатого голоса, заставшего врасплох. Если бы не угрожающая интонация, его поджилки бы так не тряслись. Резко обернувшись, он столкнулся лицом к лицу с высоким широкоплечим мужчиной, сложившим руки на груди и с нетерпением ожидающим ответа.

— Hello, sir. My name is...Mr. Chw...I mean, Daniel Chwostov. I'm Christina's brother.* *Здравствуйте, сэр. Меня зовут мистер Хв... То есть, Даниил Хвостов. Я брат Кристины.** — Данила говорил бы, как можно увереннее, если бы не холодные синие глаза мужчины, безжалостно буравящие его. И густые черные волосы, чуть не доходящие до плеч. Он был чертовски красив. Таких, как он Кристина называла «породистыми». Аристократическая выправка и бесчувственный, пронзающий насквозь взгляд, словно ты — всего лишь грязь на его ботинке. Неудивительно, почему парень скукожился и задрожал под этим взглядом, легкий

румянец, скорее от напряжения, нежели от смущения заиграл на щеках.

— Тогда думаю, нет нужды говорить на английском, — неожиданно произнес мужчина, и обойдя препятствие в лице шокированного Данилы, уселся за рабочий стол. Если бы не легкие погрешности в произношении, можно было бы сказать, что он говорит на русском идеально. И черт возьми, это было неожиданно!

— Я хорошо говорю и понимаю по-русски, так что, кроме общения с прислугой в этом доме нет нужды напрягать мозг в поисках знаний по английскому языку.

— Простите, но вы...

— Меня зовут Марк. Марк Робертсон, — от природы большие и выразительные изумрудные глаза Данилы, обрамленные короткими, но густыми темными ресницами, распахнулись на невозможную ширину. Так вот он какой, мистер Х. Спокойный и уравновешенный. Холодный, словно ледышка. И как с таким уживается страстная и темпераментная Кристи. Вдруг вспомнив о сестре, молодой человек спросил:

— А где же Кристина? Она пригласила меня, но не встретила, — он старался, чтобы в голосе не проскользнула обида. И получил в ответ пристальный любопытный взгляд.

— К сожалению, она осталась у подруги в Лондоне. Поэтому появится не раньше, чем в пятницу, — констатировал факт Марк, а Данила, вспомнив, что сегодня только вторник, ужаснулся. Его бросили здесь, в незнакомом месте, с незнакомыми людьми на два дня! Черт возьми, он не успокоится, если не выдернет своей сестренке все волосы на голове!

— Но...Это же...Как же...И я ведь...— эта возмущенная тирада бессвязных слов, видимо, веселила Марка, так как в уголках его губ мелькнула улыбка. Точнее, ее жалкое подобие.

— Что-то не так?

— Нет, просто...

— Целое имение в твоём распоряжении, так что радуйся... — он замешкался, — Дэни.

Дэни? Что еще за Дэни? Так могли бы звать собаку, или поросенка. Или стиральный порошок. Но парень решил не предъявлять никаких претензий, находясь в этом доме на птичьих правах.

— Ужин будет в восемь вечера, так что у тебя еще есть время все здесь осмотреть. Только постарайся не заблудиться, — бросил Робертсон Даниле, который просто каждой клеточкой тела ощущал, что пора ретироваться, и уткнулся в широкий экран монитора, напрочь забыв о существовании гостя.

Неизвестно почему, но зять произвел на Данилу двоякое впечатление. С одной стороны, он не вызывал опасений, был привлекателен и подчеркнуто вежлив. Но с другой, его глаза, его голос, его внешность пугали своей почти парадоксальной красотой. Не приторной, словно переслащенный чай, а мужественной, терпкой, словно дорогой коньяк. А после того, как парень рассмотрел себя в большом зеркале в специально подготовленной для него комнате, то вообще упал духом. Его высокий рост и почти девчачья худоба, которую друзья интеллигентно называли «стройностью», а также темные волосы, слегка прикрывающие шею, с длинной челкой в пол-лица, и огромные бабские изумрудные глаза, отнюдь не добавляли уверенности в

себе. И мужественностью тоже слабо пахивали.

Девушкам его внешность всегда казалась необычной, яркой, запоминающейся. Но разве сравнится в красоте и грации какой-то олененок с пантерой? Сравнение Марка с этим диким животным сразу органично и прочно вклинилось в сознание Данила, поэтому, повздыхав для приличия у зеркала еще пару минут, и скептически оглядев чуть обтягивающую черную водолазку и такого же цвета джинсы, выбранные в качестве одежды к ужину, он поспешил спуститься в столовую.

Но проходя мимо рабочего кабинета своего шурина, услышал интересный разговор, заставивший остановиться и понять, что любопытство — порок не только представительниц прекрасного пола.

— Да, дорогой. Сегодня не могу. Кстати, ты подготовил документы о передаче фирмы под мое руководство?

— ...

— Что значит упрямится??? Я хочу это предприятие, Джонс!!!

— ...

— А я всегда получаю то, что хочу! Даже силой, — если голос Марка с утра сквозил безразличием и вежливым отстраненным дружелюбием, то сейчас в нем звучала сталь. Клокотала ярость. Сквозила угроза.

Данила поспешил отойти от чуть приоткрытых дверей кабинета, подумав, что у такого Марка Робертсона на пути лучше не становиться...

===== глава 3 =====

Ужин проходил в атмосфере гнетущего молчания. Данила уже понял, что не добьется никаких реплик от своего шурина, поэтому просто постарался наслаждаться ужином, который оказался на удивление отменным. Предстояло еще подумать, чем занять себя на эти несколько дней. Молодой человек решил, что первым делом с утра отправится в конюшню, потому что эта хозяйственная постройка представляла для него первоначальный интерес. Он не был знаком с тонкостями верховой езды, но надеялся научиться, или хотя бы попытаться, раз уж представляется такой шанс.

Время шло ужасно медленно. Марк уткнулся носом в «Таймс» и предпочитал игнорировать, казалось, нежеланного гостя, а Данила думал, как он умудряется, читая газету, и не отвлекаясь на постороннее, попадать вилкой точно в рот, ни разу не промахнувшись. Этот человек его пугал. Тем, что был малообщителен, отстранен и немного резковат. А если вспомнить о подслушанном разговоре, даже ни немного. Этим же Марк Данилу и раздражал. Гостеприимством здесь не пахло. Единственной положительной ноткой этого вечера была снующая туда-сюда молоденькая служанка Мелисса, бросающая то и дело заинтересованные взгляды на парня, улыбающаяся ему. Девушка была очень привлекательна. А Данила был не прочь пообщаться с ней подольше. Но, к сожалению, пришлось оставить такое интересное занятие, как флирт с Мелиссой на потом, потому что внезапно тишину столовой разрезал недовольный голос Марка:

— Жаркое пересолено, — сказано это было так, словно только что произошла вселенская катастрофа, причинившая непоправимый ущерб. — Мелисса, можете это унести и передать повару, что если еще раз такое повторится, я подумаю о новой кандидатуре на его место.

Данила подавился. От внезапно вспыхнувшего возмущения. Неужели можно так поступать с людьми из-за такой ерунды?! Наверное, всю ярость парень вложил в брошенный на Робертсона взгляд, так как последний только поинтересовался:

— Ты чем-то недоволен? — почему-то «ты» было сказано особенно противно.

Данила думал, стоит что-то говорить, или нет, но, заметив, как напряжен Марк, он вдохнул в грудь побольше воздуха и поинтересовался:

— Вы всегда грозитесь уволить человека, только потому, что он слегка промахнулся?

Бровь Робертсона удивленно взметнулась вверх, придавая его лицу иронично-самодовольное выражение.

— Да, — ответ такой, словно Данил спросил какую-то несусветную глупость.

— И по-вашему это нормально?

— Эти люди работают на меня. Получают неплохие деньги. Они должны соответствовать требованиям своего работодателя. Если меня что-то не устраивает, я имею полное право избавиться от некомпетентного работника.

— Мы же не в Средневековье живем! — Данила распаялся еще больше. — Что это за чушь?

— Это не чушь, Дэни. Это социальная иерархия. Видишь ли, есть те, кто управляет. И есть управляемые. Все довольно просто, — убийственно спокойный голос, лишний раз констатирующий, что Марк Робертсон — царь и Бог.

— И конечно же, ТЫ, — парень выделил это слово особенно, — как управляющий, считаешь, что можешь иметь все, что захочешь?

Марк усмехнулся. Потому что его еще никто так не забавлял. Потому что его еще никто так не интересовывал.

— Я так не считаю. Я это просто знаю, Дэни. Я привык получать все от этой жизни, что пожелаю. Меня воспитали так, что я твердо с детства знал — для нашей семьи нет ничего невозможного.

— Это избалованность.

— Это истина.

— Есть вещи, которые за деньги купить невозможно! — чуть не крича, говорил Данила. — Дружба, уважение, любовь, наконец!

Парень вспыхнул, когда Марк на это эмоциональное заявление разразился хохотом. Если до этого момента шурин пугал и настораживал Данилу, то сейчас просто взбесил его и окончательно вызвал к себе ненависть. Богатый, бесчувственный чурбан!

— Покупкой именно этих вещей я и занимаюсь, прошу заметить, успешно уже столько лет.

— Но...

— Твою сестру, к примеру, я тоже купил, — довольно ухмыльнувшись, проинформировал Марк, глядя на ошеломленного Данилу. Сейчас молодой человек мог убить злым и напряженным взглядом изумрудных глаз.

— Что ты сказал?

— Угу. Твоя сестра чертовски красивая женщина, согласишься! Тогда на выставке, когда мы встретились, она была готова сразу прыгнуть ко мне в кровать, лишь завидев бриллиантовые запонки на рукавах пиджака. И я предоставил ей такую возможность. Я предложил ей отправиться со мной, конечно же, намекая, для какой цели. Она согласилась, потому что поняла, насколько бездонен мой кошелек.

— И ты решил с ней поиграть? — рассержено предположил молодой человек. На скулах заиграли желваки.

— Так точно. Только учти, что все происходит по взаимному согласию. Я же не какой-нибудь проходимец.

— А что будет потом? И вообще, зачем ты взял ее в жены???

— Ну, знаешь, так нужно было. Пока она мне не надоедает, она в шоколаде. К тому же, на светских вечеринках всегда приятно показаться в компании очаровательной жены. Потешить самолюбие, так сказать, — обезоруживающе идеальная улыбка, словно все, что сказано — в порядке вещей. И от этого у Данилы в груди готов взорваться вулкан.

— Ты циничный ублюдок! — проорал Данила, подскочив так, что опрокинул стул. Конечно, он понимал, что сестренка сама все знает, сама в этом участвует, всем довольна. Но слышать, как о таком спокойно говорится — выше его сил.

— Ты мог бы сейчас меня ударить, если бы я не был раза в три тебя сильнее и не мог дать сдачи. Так что, расслабься, мальчик. Цинизм — это основа того общества, в котором существую я.

— Жизнь гораздо сложнее и ярче, чем может помыслить твой примитивный умишко! — заключил Данила и стремительно покинул комнату, где находился, по его мнению, самый отвратительный человек на земле.

«Примитивный умишко, значит?» — улыбнувшись, подумал Марк, смотря вслед удаляющемуся парню. — «Интересно. Очень интересно».

Всю ночь молодого человека не покидало желание придушить своего шурина и оставить Кристину вдовой. Мерзкое ощущение. Данила окончательно убедился, что Марк — пренеприятнейший субъект, которого нужно постараться избегать до приезда сестры. Осталось только неясным — все ли английские денежные мешки настолько бесчувственны? Или Робертсон один такой самородок?

Решая отправить шурина, выражаясь языком современным, «в игнор», Данила решил позавтракать на кухне, благо габариты ее позволяли трапезничать, не мешая работникам заниматься повседневной рутинной.

Но заканчивая уже завтрак и намереваясь покинуть особняк с целью исследовать окрестности, парень решил поинтересоваться у Мелиссы:

— Tell me, is your master always so shitty?—*Скажи-ка мне, твой хозяин всегда такое дерьмо? **
— Данила наблюдал, как вытягивается лицо девчушки. — No, I mean, honestly. He is a jerk. And a bastard. That's what I think! —*Нет, я серьезно. Он козел. И подонок. Вот, что я думаю!**

— You must not say such rude words about Mr. Mark.— ** Вы не должны так плохо отзываться о мистере Марке**

— But I'm right. And you know it. So don't be afraid. Just answer me.—**Но я прав. И ты это знаешь. Так, что не бойся, и просто ответь мне.**

Девушка на доли секунды замешкалась, поглядывалась по сторонам, покраснела, а потом выдала то, отчего Данила чуть не упал со смеху:

— He is just absolutely insensitive, selfish, rough moron!— **Он просто абсолютно бесчувственный, эгоистичный, грубый мудака!** — и черт возьми, парень был с ней абсолютно согласен! — His father taught him to be reserved, cruel and self-confident. I think that Robertson wanted to bring up a monster, a complete copy of himself. Well, he succeeded.— **Отец учил его быть сдержанным, жестоким и самоуверенным. Я думаю, что Робертсон хотел сделать из него чудовище, полную копию самого себя. Что ж, ему удалось.**

Мелисса все говорила и говорила, словно бурным потоком реки прорвало каменную плотину. Но Данила не возражал. Во-первых, ему было весело наблюдать за девушкой. Во-вторых, ему было интересно, что же еще удастся узнать о шурине. Однако резкий оклик кухарки заставил девушку вздрогнуть и поспешно ретироваться, а Данилу смутиться от брошенного в его сторону косога взгляда. Решительно, будь у жителей этого имения возможность, парня бы давно закопали где-нибудь и забыли где именно.

===== глава 4 =====

Англия была бы на себя непохожа, если б в полдень небеса не разверзлись, и не полил дождь. Удивительно теплый, мелкий, но частый. Данила решил не тратить времени даром, и не забыв прихватить с собой новехонький профессиональный фотоаппарат, на который исправно копил полгода, прошел к конюшням.

Парень никогда еще не видел этих животных в такой близости, но уже их обожал. Заочно. Потому что считал их самыми преданными и умными представителями фауны. Не грех было сделать парочку фотографий этих красивых, мощных жеребцов, с густой гривой и мощными копытами. Он увлекся, поэтому не замечал, с каким интересом за ним наблюдает Марк, облаченный в костюм для верховой езды.

— Тебе так нравятся лошади? — внезапный вопрос заставил Данилу оторваться от своего увлечения последних трех лет, и обернуться. На секунду ему показалось, что в горле пересохло. Робертсон стоял у входа в конюшню, прислонившись к косяку, сложив руки на груди. Его черные волосы были схвачены в небольшой хвостик, а костюм настолько плотно и уверенно облегал мускулатуру, которая, к слову, оказалась внушительной, что Хвостов смог детально рассмотреть и оценить фигуру Марка. Таковую, которой ему, к сожалению, не видать никогда. Даже если он обожрет стероидов и погрет себя под штангой. А синие холодные

глаза выжидательно скользили по лицу и фигуре юноши.

— Возможно, — коротко отозвался Данила, придя в себя от открывшегося перед ним зрелища.

— Значит, да. Иначе ты не перестал бы замечать, что происходит вокруг. Я уже несколько минут за тобой наблюдаю.

— Смею заметить, это довольно бесцельное времяпрепровождение, — фыркнул парень, решив, что пора прогуляться. — Ничего интересного ты не увидишь. Счастливо оставаться.

«Как знать... Как знать...» — мелькнула занятная мысль в черноволосой голове.

Хвостов дышал чистым воздухом, бесцельно нарезаая круги по просторам имения, запустив руки в карманы свободных серых брюк, с камерой на шее.

Его мысли занимал шурин. Определенно опасный тип. Достаточно вспомнить, как он рассматривал Данилу. Ему оставалось только облизнуться для полной картины. В который раз парню стало интересно, что он забыл в этом огромном, чужом, подозрительном месте. И почему Кристина внезапно пригласила его сюда? Добрым самаритянином сестренка не была никогда. И умудрялась не вспоминать о семье в течении трех лет. К чему теперь эта показуха?

Чем больше Хвостов об этом думал, тем больше запутывался. Но одно он знал точно: как бы его не провоцировал этот синеглазый мерзавец, Данила ни за что не купится на любые фокусы. Отвлекаясь от мучительных, беспочвенных и безрезультатных раздумий, юноша осмотрелся по сторонам и увидел на небольшом расстоянии от конюшни Марка, успешно практикующегося в верховой езде. Чертова тяга к фотографии не позволила просто хмыкнуть и пройти мимо. Она, повинувшись каким-то неведомым силам, заставляла подходить ближе и ловить самые удачные кадры.

Марк прекрасно держался в седле. По-аристократически уверенно и по-мальчишески свободно. Волосы давно освободились от резинки и теперь старались не поддаваться провокациям ветра. Возможно, Данила родился с обостренным чувством прекрасного, иначе не смог бы объяснить, чем так заворожила его примитивная в общем-то картина — наездник и скакун. И еще было непонятно, кто из них двоих привлек его внимание больше. Он сделал несколько фотографий, которые обещали быть лучшими за все время его увлечения. А потом Марк решил, что пора заканчивать фотосессию, и в два счета оказался рядом с юношей.

— Вижу, моя скромная персона производит на тебя неизгладимое впечатление, — хмыкнув, информировал Марк, подводя мощного белого скакуна к Даниле, пытавшемуся придумать в ответ какую-нибудь колкость.

— Пф, я вижу здесь только одного фотогеничного персонажа. И это не ты, — выдал парень светлую мысль, с восхищением посматривая на животное. — Ты о себе слишком высокого мнения.

— Мне уже об этом говорили, — улыбнувшись, признался Марк. И что-то в его мимике заставило Данилу насторожиться. Даже улыбка получалась хитрой, скорее хищной, нежели дружелюбной.

— Значит, тебе говорили недостаточно часто и понятно. А может, до тебя плохо доходит.

— С чего вдруг ты так разозлился? — кажется, удивление Робертсона было искренним. — Я

был искренен.

Данила решил, что у его шурина еще и амнезия. Вчерашний ужин забыл.

— И прямолинеен. И до зубного скрежета самонадеян. Больше всего в жизни я ненавижу таких людей, как ты. Считающих, что они сильные мира сего. Знаешь, я пожалуй, пойду.

— И сколько ты еще планируешь на меня дуться? — веселым голосом поинтересовался Марк, которого безумно радовал этот насупившийся зеленоглазый ребенок. Это одновременно и нравилось, и пугало. Давненько с Марком такого не происходило.

— Я не дуюсь на тебя, но и налаживать с тобой дружеские отношения не горю желанием. Мне нужно увидеться с твоей женой. Поговорить. И можно сказать, я буду доволен.

— Она возвращается послезавтра. Потерпи мое присутствие еще чуток, — иронично заметил Робертсон, про себя добавив: «А может чуть подольше».

Вечером, не предупредив никого, Марк сел в машину и укатил в неизвестном направлении. Об этом услужливо, как бы невзначай заикнулась Мелисса, когда в восемь принесла ужин в комнату Данила. И с того момента сон к нему не шел. Интересно, куда мог отправиться этот сноб? Уж не к любовнице ли? От этой мысли почему-то автоматически стало жалко Кристину. Данила даже не мог помыслить, что у его сестренки тоже может быть рыльце в пушку, поэтому еще больше разозлился на шурина.

На следующий день, все та же служанка, подавая завтрак, проболталась, что хозяин имения еще не вернулся. Теперь сомнений в том, что у Марка был кто-то на стороне, оставалось все меньше. Появилось желание набить ему морду. Появилось и тут же исчезло, лишь только вспомнило играющие под рубашкой мышцы и высокий рост Робертсона.

Виновник душевных терзаний Хвостова соизволил появиться только после обеда и сразу же отправился в кабинет, чтобы провести там все оставшееся время. Парень решил, что время задавать вопросы было не самым подходящим, да и выглядело бы это глупо. Решил дождаться сестренки, чтобы прояснить интересующие его вопросы.

Но, проходя мимо рабочего кабинета Марка, не удержался и решил заглянуть. Шурин сидел в кресле, закинув ноги на стол с мобильным телефоном у уха. Его рубашка была наполовину расстегнута, выставляя напоказ мощную грудь. Длинные ноги были скрыты широкими пижамными штанами. А лицо было утомленным, но не теряло при этом красоты и силы. Парень снова почувствовал, что в горле пересохло.

— Да, я работаю над этим, — Данила снова застал телефонный разговор Марка, и зарекся вообще подходить к кабинету даже на пушечный выстрел.

— ...

— Ты же знаешь, что я добьюсь его. Просто потому что хочу. Угу. Вполне.

— ...

— Колючий. О, он ругался. Был довольно забавен. Надо было меня предупредить об этом.

— ...

— Знаешь, и не таких приручал. Конечно. Спокойной ночи.

Робертсон швырнул мобильник на стол, сверкнув синими глазами, скользнул взглядом по резным дверям кабинета и произнес:

— Дэни, а подслушивать нехорошо.

Данила отпрянул от двери и поспешил убраться к себе в комнату, лишний раз думая, что что-то тут не то.

===== глава 5 =====

Марк всегда получал то, что хотел. Нет, не силой. Но он прекрасно знал, как заставить людей слушаться его, ходить за ним хвостами, делать так, что подчиненные ели с его рук. Он не был самонадеянным. Он был лучшим. Таким его воспитал собственный отец.

Семейство Робертсонов всегда было на устах в деловых кругах, на вечерах аристократических семей Англии, на первых полосах газет. Благодаря очень смышленным и проворным предкам, оно сколотило целое состояние, разросшееся во времена лорда Арнольда, покойного деда Марка, до размеров империи. И ныне не потеряло своего могущества. Просто теперь, в двадцать первом веке, в Англии несколько спокойнее относились к вычурным выходкам и громким скандалам, связанным с элитой. Просто ажиотаж и священный трепет постепенно сошел на нет, уступив место интересу и возможности распусть слухи. Англичане всегда любили сплетничать. О бизнесе Робертсонов. О родословной Робертсонов. О личной жизни Робертсонов.

Поэтому семье под неусыпным контролем Арнольда приходилось «держаться марку». Что все члены, а это миссис Розмари Анна Робертсон, мистер Кларк Лоуренс Робертсон — родители Марка, а так же двоюродный дядя Лу и тетя Мардж, с успехом выполняли. Все, кроме Марка...

Мужчина посмотрел на часы. Уже давно за полночь. А сон никак к нему не придет. Марк в последнее время вообще плохо спал. Его мучили кошмары прошлого. Призрак деда, словно тень отца Гамлета, иногда врывается в затуманенное Морфеем сознание великого синеглазого грешника и напоминает, кем Марк является. Чем он обязан семье. Как велика его ответственность. Но, когда тебе идет четвертый десяток, а ты уже пресытился всеми развлечениями, развратил и душу, и тело, и раздражен подхалимажем окружающих, интереснее всего играть с этими самыми окружающими. Если представить людей шахматными фигурами, можно смело разыграть авантюрную, запутанную партию, из которой всегда выберешься победителем.

Дело только за малым — найти соперника. Достойного. Хитрого. Отцу Марка повезло — его соперником был Арнольд. Вплоть до гибели первого. А вот Марк до некоторых пор не мог найти партнера по игре. До некоторых пор...

На ночном небе мерцали холодные яркие звезды. Ветер-бунтарь покачивал верхушки деревьев, отчаявшихся противостоять его напору. Размеренный тихий стук часов позволял Робертсону расслабиться и поддаться напору собственных мыслей. Синие глаза со скужающим

выражением заглянули в верхний, не до конца закрытый ящик стола. Взгляд скользнул по яркой красочной фотографии, где так удачно были изображены темноволосые юноша и девушка, задорно улыбающиеся и обнимающие друг друга. Марк хмыкнул.

Он никогда не забудет той ярости в блеклых голубых глазах деда, узнавшего, что его единственный внук — гомосексуалист. Кажется, что повысь он тогда в кабинете еще немного свой хриплый старческий голос, и все в радиусе двухсот километров узнали бы про ориентацию Марка. Впрочем, Арнольд до последнего надеялся, что это лечится, и внук не посрамит «семейное достоинство». Однако его надежды рассыпались прахом. Юношеский максимализм и жажда мести бурлили в, на тот момент, еще юном Робертсоне настолько, что даже заняться сексом с однокурсником прямо на глазах у деда было бы недостаточным для охлаждения бунтарского духа. Тогда Марк наивно полагал, что может все. И даже сделать собственный выбор.

Когда несколько лет назад, через определенный срок после смерти старика Арнольда, которого дядя Лу уже отчаялся увидеть на смертном одре, было оглашено завещание покойного хозяина крупнейшей судостроительной империи, Марк впал в ступор. Не мог поверить ушам. А затем просто пришел в бешенство.

По завещанию Марку, для того, чтобы стать полноправным владельцем компании и всего остального имущества, он должен взять в жены девушку не позднее, чем через полгода после оглашения завещания. Иначе, все переходило дяде Лу.

Увидев, как сверкнули жадностью хитренькие глазенки пьянчужки Лу, Марк решил, что не позволит даже таким глупым условиям поставить под удар свое наследство.

Поразмыслив над ситуацией некоторое время, он решился. Гомосексуалист Марк Робертсон женится...

Улыбка проскользнула в уголках губ Марка и стремительно исчезла, уступая место задумчивому выражению лица.

...почему он решил посетить Россию, Марк уже не помнил. Кажется, поспорил с друзьями, что медведи там по улицам не ходят. Пришлось проверять. Тогда его партнером по любовным утехам был искусствовед и настоящий эстет, фанат русского изобразительного искусства. Естественно, Марк взял его с собой. Естественно, они потащились на выставку художников-импрессионистов.

Крестину он заметил сразу. Невозможно не заметить такую яркую внешность и красное бархатное платье, неприлично пошло облегающее идеальную фигуру.

Она подошла к нему сама. Не стесняясь. С порога принявшись флиртовать, не теряя при этом собственного достоинства. Заигрывать, не опускаясь до банальности и похабности.

Ее глаза были слишком умными. Ее разговор слишком интеллектуальным. Ее намерения слишком явными.

И тогда Марку пришла в голову гениальная в своем идиотизме идея: «А почему бы и нет...» Они посетили ресторан, где Марк, оценив собеседницу по достоинству, выложил все карты.

— Кристи, я предлагаю вам сделку! — начал он на русском, за что был благодарен тяге к

самообразованию, и был польщен вытянувшимся от удивления и восхищения лицом девушки.
— Я гей. Меня не прельщают девушки.

— Думаю, я совру, если скажу, что не расстроена, — ответила девушка, бросая на Марка разочарованные взгляды.

— Я хочу предложить тебе стать моей женой.

— Воистину, а я думала, что только мы сумасшедший народ.

— Я говорю серьезно. У тебя есть чудесный шанс жить безбедно. Я пальцем тебя трогать не буду. От приставаний ты спасена. А деньгами можно будет сорить без зазрения совести.

— Зачем тебе это? Если конечно, ты не умалишенный.

— Видишь ли, мой дед...

Кажется, сегодня ночью Марк побил рекорд. Он еще никогда не сидел в кабинете так долго. Но уходить не хотелось. Еще столько всего нужно было вспомнить. Он, скорее всего, не уснет до утра. Даже темное бездонное небо и белый ясный диск Луны, мерцающим светом заполняющий комнату, не смогут его сейчас усыпить...

Свадьба была тайной и только для избранных. Противоречила стилю «а-ля помпезность». Но в права наследства Марк вступил беспрепятственно, стоило пару раз перед нотариусом пострелять влюбленным взглядом в так артистично краснеющую жену и пообжиматься с ней при слугах и подчиненных. Единственным недовольным, хоть и неподходящим вида, был дядюшка, у которого бриллиантовые горы утекли прямо из-под носа.

С того самого момента, как газетные страсти и шумиха вокруг «грандиозного события в семье Робертсонов» утихла, Кристи исправно играла роль примерной жены, развлекаясь потихонечку на полную катушку, а Марк стал настоящей акулой бизнеса.

Но однажды стал замечать, как нервничает Кристи после разговоров с семьей. Точнее, с таинственным братом, о котором Робертсон даже не потрудился узнать. После общения с ним она становилась раздражительной и причитала:

— Да как он смеет! Я же его старшая сестра! Он даже не понимает, насколько хорошо для меня все сложилось! — ходила она из одного конца рабочего кабинета Марка в другой.

— Что он тебе такого сказал?

— Что я неблагодарная избалованная дрянь! Представляешь? Он же тоже не святоша, но, тем не менее, исправно прикрывается своими моральными убеждениями!

— И что, все так плохо?

— Он просто завидует! Прикрывает болезнью матери банальную зависть!!!

— Крис, зависть присуща всем без исключения. Это индивидуальное качество каждого человека. Оно заразно, кстати.

— Ты не понимаешь, Марк. Он всегда был самостоятельным, мечтательным, но никогда не смотрел на мир сквозь розовые очки. Кстати, вот его фотография, — девушка протянула

снимок заинтересовавшемся мужу. Марк увидел миловидного юношу с яркими зелеными глазами и стройной фигурой. И самым неожиданным образом его захотел! Сначала просто увидеть воочию, а потом ... по обстоятельствам.

Парень был очень симпатичным, да еще, как говорит Кристи и с характером. Марку нравилось общаться с такими людьми, а потом ломать их мнимые моральные барьеры, напускную важность и приручать. Он удовлетворенно хмыкнул, уже зная, что намечается интересная игра.

— Он словно дикий котенок! Добрый и ласковый, а потом до крови кусает, если чувствует, что ты — враг. Это мне даже нравится в нем, черт возьми! Но он смеет упрекать меня...

— Знаешь, человеку всегда свойственно меняться. Становится покладистым. В зависимости от влияния на его личность. Может, деньгами. Может, любовью.

— Нет, мой брат — тот еще индивид. Твои деньги его возвышенную душу не прельстят. Могу поспорить, он плюнет тебе в лицо за сальные намеки, а уж с твоим образом жизни вообще категорически не согласится!

— Фу, не было еще ни одного мальчика, юноши, мужчины, которого бы я не приручил! У всех есть свои слабые места. Своя цена.

— Данила на это не купится. Он не глуп. Совсем не глуп, — отчеканила Кристина, но потом задумалась, и успех перешел на сторону Марка.

— Дорогая, я влюблю его в себя на раз-два!

— Значит, пари, мой самоуверенный супруг? — поинтересовалась Кристи. Ее взгляд блеснул азартным лукавым огнем.

— Определенно пари, моя упрямая супруга, — удовлетворенно произнес Марк, с почти восхищением наблюдая за сидящей напротив девушкой, только что из любопытства подставившей собственного брата.

«Интересно, а ради собственного удовольствия и выгоды, продаст ли она родную мать?»...

===== глава 6 =====

Данила проснулся только после полудня. Всю ночь его преследовал странный сон, будто стоя на распутье, он отчаянно пытался выбрать, по какой дороге следовать далее. Интуиция подсказывала юноше, что нужно выбирать ту, что ведет к спокойствию и тихой жизни, но все его существо желало следовать по другой — извилистой, неизвестной, неопределенной. Данила метался во сне, и смог заснуть лишь с появлением первых лучей солнца.

Молодой человек был уверен, что сестра не появится еще несколько дней, сославшись на «неожиданно подвернувшееся важное дело». Но Кристина его мало беспокоила. У Хвостова было время поразмыслить и понять, что ему интересен Марк. Как личность, конечно же. Как представитель той ступени социальной лестницы, на которую Данила никогда не сможет ступить. Он решил попытаться если не наладить с Робертсоном диалог, то хотя бы разрядить напряженную обстановку между ними, возникшую два дня назад по вине обоих. И начать

решил немедленно.

— Добрый день, Марк, — попытавшись как можно дружелюбнее улыбнуться, поздоровался Данила, входя в гостиную, где его шурин удобно расположился в кресле со свежим номером газеты в руках. А потом уже чуть тише добавил: — Надеюсь, сегодня будет хорошая погода.

Если бы он не шел целенаправленно к небольшому столику, а именно, к вазочке с фруктами, вольготно расположившейся на нем, и бросил взгляд на Марка, то увидел бы, как в изумлении приподнялась его бровь. Он даже отложил детище публицистической мысли и, как могло показаться, с опаской произнес:

— Э, доброе утро, Дэни, — надо было поддержать диалог, если уж юноша был в таком приподнятом настроении, что даже поздоровался. — Как спалось?

— О, хорошо, спасибо, — парень присел в кресло напротив и взглянул на Робертсона. — А почему ты не на работе?

В принципе, Марк действительно мог бы сейчас уехать в офис, если бы страдал паранойей и думал, что его подчиненные недостаточно компетентны. Но это было не так, и мужчина мог себе позволить не появляться в компании.

— У меня свободный график. Как ты понимаешь, я могу не беспокоиться за свое рабочее место.

— Тогда могу я попросить тебя об услуге? — замявшись, поинтересовался Дания, а Марк был настолько заинтересован, что даже чуть подался вперед.

— Я весь внимание.

— Ты не мог бы немного поучить меня верховой езде? — выдавил парень, судорожно соображая, куда делась его серьезность и спокойствие. Просто после вчерашнего мастер-класса от Марка Хвостов тоже решил попробовать свои силы, а кроме шурина потренировать его было некому.

Робертсон был крайне удивлен такой неожиданной просьбе. Он думал, что Данила теперь вообще с ним разговаривать не будет, что было бы прискорбно. Но раз такое прелестное создание, на которого у Марка имеются определенные планы, просит о помощи, отказать невозможно. К тому же, поставленная перед Робертсоном задача существенно упрощается.

— Буду рад помочь.

Как и надеялся Хвостов, погода была хорошей. Привычно серое небо уступило место безоблачному, нежно-голубому. Солнце прогрело продрогшую от дождей и ветра землю, попутно касаясь лучами сочной зелени деревьев и кустарников.

Марк решил не надевать костюм для верховой езды и сменить уже поднадоевшие классические брюки на что-нибудь более удобное и практичное. Его мало беспокоила мода. Он не гонялся за современными заезженными брендами, предпочитая красоте комфорт. Пожалуй, только этим он отличался от остальных представителей бизнес-элиты.

Данила ожидал Робертсона у конюшни, слушая собственное участившееся сердцебиение. Словно ребенок в предвкушении чего-то необычного и очень приятного, Хвостов рассматривал спокойных животных, бережный уход за которыми чувствовался с первого взгляда.

— Ну что, начнем? — обернувшись на голос, Данила замер. Потому что не ожидал увидеть Марка в светло-голубых потертых джинсах и кремовом джемпере. Потому что не думал, что этот циничный представительный мужчина может выглядеть по-другому. Так естественно. Так притягательно. Так по-домашнему. Так сексуально.

От последней характеристики Данила отмахнулся, как от назойливого насекомого и слегка покраснел. Что не осталось незамеченным для Марка, потешив его самолюбие.

— Нравится? — взгляд синих глаз блеснул лукавым огоньком, а полные губы сами собой сложились в подобие улыбки. — Для тебя старался.

— Кхм, приступим? — нетерпеливо осведомился юноша, проходя к лошадям.

— Думаю, для начала ты попробуешь свои силы с Мэгги, — начал Марк, поглаживая пегую симпатичную кобылку по морде. — Она смирная. И ласковая.

Даниле могло казаться, но Марк впервые в жизни искренне улыбнулся. Так тепло, что у Хвостова перехватило дыхание, и не было сил и желания отвести взгляд от его лица. Но Марк этой реакции не заметил, иначе решил бы, что задуманная им игра уже начинает медленно воплощаться в жизнь.

— Я хочу начать с твоего скакуна, — выдал Данила, немного отойдя от секундного помутнения разума из-за разом преобразившегося шурина. — Того, которого видел вчера.

— Не думаю, что это хорошая идея, — в подтверждении своих слов Марк даже нахмурился. — Буран слишком ретив. Даже я иногда с трудом с ним справляюсь.

— Мда, я вчера это заметил. Но я настаиваю! Пожалуйста, — Данила твердо решил, а настаивать на своем всегда любил. Ему хотелось если не почувствовать полностью, то хотя бы попытаться, что чувствует Марк, когда седлает этого белоснежного жеребца, когда управляет этим красивым животным, подчиняя своим желаниям и интересам.— Прощу тебя, Марк!

«Упрямый мальчишка!» — хмыкнул Робертсон, но все же уступил. Просто потому что зрелище обещало быть забавным.

Буран фыркал и брыкался. Было видно, что никого кроме хозяина он своим наездником видеть не желает. Но Марк сумел исправить ситуацию и уже через считанные минуты Данила, с плохо скрываемым восторгом на лице, восседал на жеребце, словно древнеримский триумфатор, возвратившийся с поля сражения. Робертсон всегда был рядом, ведя Бурана за поводья по небольшой зеленой аллее, дававшей возможность созерцать особняк во всем его великолепии. Мужчина не мог взять в толк, как такой пустяк — прогулка верхом, может повлиять на настроение человека. Хвостов радовался незамутненной, кристально чистой, детской радостью. И пусть он пока держался рысцой, и до галопа было далеко, он все равно был признателен Марку за такую возможность.

— Дэни, выпрямись! Постарайся расслабиться, но не скрючивайся, как огурец на солнце, — наставлял Марк, пока аллея незаметно для них заканчивалась, и можно было держать обратный путь на конюшню.

— Я выпрямился!

— Я этого не вижу. И сделай лицо попроще.

— А что с моим лицом? — недоуменно поинтересовался Данила.

— Просто выражай восторг не так открыто.

— А что плохого в том, чтобы выражать открыто свои эмоции?

— Ничего, но лучше держать их при себе.

— Я не согласен с тем, что лицо должно выглядеть так, будто по нему проехался каток. Это неправильно. Люди же не роботы, в конце концов!

«О Боги, а ведь всего лишь попросил его быть чуть сдержаннее» — вздохнув, мысленно бубнил Марк, когда они вышли к тому открытому участку, где вчера упражнялся сам Робертсон. — «Может, попросить его заткнуться?»

Отсутствие плотного аппетитного завтрака давало о себе знать. Желудок Хвостова предательски урчал, заставляя Марка тихонько ухмыляться. Уже настало время обеда. И вот этой трапезы ни Данила, ни Марк пропустить не могли.

— Ну что, перекусим? — поинтересовался Марк, выпуская из рук поводья. — Мелисса уже давно накрыла на стол.

— Конечно, я сейчас, — Данила пыхтел, потому что одна нога, заняв стратегически неудобное положение, застряла в стремях, мешая спуститься. — Сейчас...

Бурани терпеливо ждал, пока неизвестная ему доселе личность соизволит слезть, периодически фыркая и отбивая копытами одному ему известный ритм.

— Господи, да просто обопрись на меня! — подхватив под руки Данилу, предложил Марк, и потянул парня на себя. Ему надоело смотреть на жалкие потуги Хвостова. Парень ухватился одной рукой за плечо Робертсона, а другой уперся в его грудь, и старался не смотреть ему в глаза.

— Ну, вот. Проблем-то! — довольно фыркнул Марк, ставя парня на твердую землю. Получалось так, что он почти держал Данилу в объятиях, и отпускать, естественно, не горел желанием.

— Спасибо, — прошептал Хвостов, чувствуя, как учащается сердцебиение, а руки даже сквозь одежду ощущают тепло другого тела. Аромат свежести и коньяка, исходивший от Марка, словно способствовал затуманиванию мыслей, и гнал поднимающиеся в глубине сознания попытки отбежать от Робертсона на безопасное расстояние.

— Дэни, — мягко позвал Марк, внутренне злорадно ликуя, и блестяще синие, будто воды английских озер, глаза встретились со сверкающе зелеными. Данилу показалось, что сердце сейчас остановится. Робертсон наслаждался моментом. И наклонялся все ближе и ближе, к дрогнувшим на мгновение губам. — Дэни...

— ДАНЬКА!!! — внезапно проорал до боли знакомый голос, нарушив все очарование момента.
— БРАТИШКА!!!

На встречу раздосадованному Марку и резко отпрянувшему от него Данилу неслась миниатюрная брюнеточка, с белозубой улыбкой до ушей, в коктейльном платье. Ее густые

прямые волосы были собраны в высокий хвост, а глаза все так же хитро сияли.

— Привет, Кристи, — промямлил юноша, все еще не отошедший от недавнего момента. — Рад видеть.

— Данька, я тоже. Пойдемте. Пойдемте в дом. Я хочу о многом с тобой поговорить, — подхватив брата под руку, без перерыва вещала Кристи, бросив лукавый взгляд в сторону мужа. И только Марк знал, что на самом деле означает эта коварная ухмылочка и легкий прищур темных глаз. Проиграть в споре миссис Робертсон не хотела.

— Как продвигаются твои дела? — ненароком поинтересовалась девушка у хмурого Марка, пока Данила отлучился из столовой.

— Все ОК. Он почти мой.

— Держи карман шире. Что-то я не заметила.

— Я его чуть не поцеловал.

— И кто же тебе помешал сделать не «чуть»? — притворно возмутилась Кристи.

— Ты, моя не вовремя появляющаяся жена.

— Упс! — хихикнула девушка и добавила «Мне очень жаль», конечно же, ничуть не сожалея...

===== глава 7 =====

Хвостов никак не мог поверить в то, что чуть было не произошло днем. Если бы парень имел склонности к суициду, то немедленно убился бы об стену. А так, оставалось лишь нарезать круги по комнате и пытаться своим этическим складом ума, далеким от рационализма, проанализировать сегодняшний инцидент.

То, что Марк чуть было не поцеловал его — было очевидно. Но тот факт, что Данила хотел, чтобы его поцеловали — не лез ни в какие ворота. Похоже смена обстановки пошла молодому человеку не на пользу, а английский климат окончательно затуманил разум.

«Черт возьми, что такое происходило? Я сошел с ума! Иначе, как еще назвать внезапно появившееся желание прикоснуться к губам другого мужчины?! Не просто другого, а мужа родной сестры! Последнего человека на земле, с которым хотелось бы сблизиться!» — анализировать получалось плохо. Щеки заалели, а в глазах цвета молодой травы появился нездоровый блеск. — «Он же мужчина! Красивый, но разве это что-то меняет? Я все равно терпеть его не могу! Так почему же?»

Данила в недоумении хватался за голову. Сколько он себя помнил, ему всегда нравились девушки. И проблем с личной жизнью не возникало. Не заглядывался же он на Ваську, хотя тот был тем еще красавцем — широкоплечий, чуть выше среднего роста, черноглазый. Мечта любой барышни. Конечно, он мог оценить мужскую внешность и некоторых представителей считал очень даже brutальными, но на губы их он же не глазел.

А тогда на прогулке что-то щелкнуло внутри, поддавшись ощущению теплого мужского тела, странному, мерцающему огоньку сапфировых глаз, чувственному голосу... Черт! Данила

тряхнул головой, отгоняя въедавшееся в каждую клеточку тела наваждение, и решил, что такого больше не повторится. Слишком пугающим было желание поцеловать Марка. Слишком запретным. А потому, по мнению Данилы, не имеющим права на существование...

За ужином Марка так и распирало захотать в голос, видя, как в неравной схватке сошлись брат и сестра. Как гневно они кидали в друг друга молнии взглядами, как шипели, стараясь не повышать голос. Данила был непреклонен и непробиваем, и от того еще более привлекателен, чем раньше. Стараясь наставить неблагодарную Кристи на путь истинный, он сам не замечал, как загораются его глаза, как на щеках играет румянец возмущения, и как приглушенно, с наставительными нотками, звучит его голос. Темная длинноватая челка мешала юноше продолжать возмущаться, поэтому резким движением головы он постоянно откидывал ее назад. Тогда, на мгновение, выбираясь из плена высокого воротника, Робертсону открывалась часть его шеи с персиковой кожей.

Отчего-то, помимо эстетического наслаждения при бросаемых на Хвостова взглядах, Марк испытывал легкое, ненавязчивое чувство нежности. словно перед ним сидел маленький дикий щенок, которого хочется потискать и погладить. Но Робертсон не был настолько сентиментален, если был таковым вообще, поэтому новое и бесполезное чувство немедленно погибло в зародыше. Не будет же он испытывать нежность к какой-то пешке?!

— Ты ведешь себя, как неблагодарная свинья! — прохрипел Данила, бросая полные презрения взгляды на сестру. — Неужели всегда за эти годы тебе не хватало времени просто позвонить?!

— Я же звонила! — упрямо твердила Кристи, но по чуть надувшимся губкам было видно, что преимущество все-таки на стороне Данилы. Робертсон наблюдал за тем, как хрупкий молодой парнишка строго воспитывает старшую сестру.

— Это были плевки, а не звонки! Так, для отвода глаз! — распаялся парень, но решил, что не доставит шурина удовольствия созерцать его в гневе и старался сдерживаться. — словно ты пыталась просто загладить муки совести!

— Что ты несешь, мелкий недоумок! Вы — моя семья, я не могла про вас забыть!

— И тем не менее, забыла. Ты хоть позвонила маме после того, как вернулась сюда? Ты хоть раз позвонила ей с того момента, как прислала жалкую подачку?!

— Я старалась помочь! — не унималась Кристи, а Марк с интересом и удивлением отметил, что в его жене проявляется доселе ему, да ей самой, неведомое чувство — стыд. — Я знаю, что мама болеет. И...

— Хватит. Просто побудь хоть раз человеком — позвони ей, — устало произнес Данила, и сестра тут же поспешно вышла из столовой.

Оставшись с устало потершим переносицу парнем, Робертсон решил-таки вмешаться на правах супруга. Скорее, чтобы услышать, что скажет парень.

— Это было несколько грубо, Дэни. Не находишь? — и в ответ получил взгляд, способный заморозить все в радиусе пяти километров.

— Это не твое дело. Она не должна забывать, кто ее самые близкие люди, даже несмотря на то, что теперь далеко от них.

— И все-таки, она уже достаточно взрослая девочка, чтобы принимать решения. Чтобы строить свою жизнь, — Марк сидел за столом небрежно, расслабленно.

— И чтобы плевать на любящих людей. Хотя, кому я здесь буду доказывать!? Ты ничем не лучше, — Данила старался, чтобы голос звучал как можно увереннее, но брошенные слова казались чем-то несправедливым.

— Конечно, — картинно всплеснул руками Робертсон, — я самая подлая, избалованная, эгоистичная скотина на свете, так?

Хвостов покраснел и потупил взгляд. Поколебавшись секунду, ответил:

— Я такого не говорил!

— Но ты так подумал, Дэни. И продолжаешь так думать. Мне очень жаль, что ты обо мне такого плохого мнения, толком меня не зная, — Марк старался придать голосу как можно более разочарованный и обиженный оттенок, и лишний раз удивлялся, почему не пошел наперекор семейке и не связал свою жизнь с театром. — Это может означать только одно...

— Что?

— Что мне придется доказать тебе обратное...

Хвостов уже клевал носом, но продолжал читать какую-то уэльскую рукопись, переизданную на английском языке, обнаружившуюся в кабинете Марка. «Мне придется доказать тебе обратное...». Эта фраза эхом раздавалась в голове, разбрасывая в разные стороны все мысли и догадки, мешая сосредоточиться. Интересно, как он собрался доказывать, что является мягким и пушистым? Будет играть и изворачиваться? Притворяться и лицемерить?

Неожиданный стук в дверь прервал сумбурные размышления. Кого могло принести в его комнату в такой поздний час?

— Войдите.

Кристи нерешительно заглянула в комнату, словно опасаясь, что в нее тут же запустят чем-нибудь тяжелым. Так же нерешительно вошла, когда убедилась, что начинает страдать паранойей.

— Данька, можно поговорить?— девушка присела на краешек кровати и выжидательно уставилась на брата.

— О чем? — ради такого, можно было и книгу в сторону отложить.

— Я позвонила маме.

— И?

— И попросила за все прощения. Сказала, что очень ее люблю.

— Как она там? — Данила немного успокоился после ужина, но все равно смутное недовольство тем, что Кристина, как несмышленный котенок, не понимает своей вины, пока ее не ткнут носом в проблему, все еще оставляло свой след.

— Сказала, что тетя Зина мастерски за ней ухаживает, и попросила тебя не волноваться за нее. С ней все хорошо.

— Это радует. Я думаю, она была счастлива услышать твой голос, — неподдельно зевнув, проговорил Данила. Спать хотелось все больше.

— Думаю, да. Прости меня. Я действительно никудышная дочь и сестра, — на личике, уставшем от косметики за день, даже мелькнула легкая тень сожаления и раскаяния.

— Это точно, — поддел Хвостов и тут же добавил: — Но в семье не без урода.

— Придурок! — чуть улыбнувшись, фыркнула Кристина и поднялась с кровати, с намерением покинуть кулуары брата.

— Стерва! — весело донеслось в ответ. Обоим в тот момент искренне казалось, что атмосфера чуть разрядилась и отношения между Кристиной и Данилой, если попытаться, могут перестать быть напряженными.

— Кстати, забыла предупредить, — будто невзначай обернулась девушка, уже приоткрывая входную дверь. — Не думай, что Марк хороший.

— Что прости?

— Он гнилой, как и все в этих кругах. Нобилитет, чтоб его!

— Он же твой муж. Не слишком ли ты строга с ним? — Хвостов искренне удивился словам сестры.

— Именно из-за того, что он мой муж, я и говорю так. Я его уже достаточно хорошо узнала.

— Спокойной ночи, Кристина.

— Да-да, спокойной ночи, — донеслось из-за закрытой двери.

К сожалению или к счастью, Данила не видел как в тот момент, довольная собой, ухмылялась Кристина, едва державшаяся, чтобы не начать потирать руки. Она действительно отъявленная стерва, но любовь к деньгам еще никто не отменял...

===== глава 8 =====

В начале новой, обещающей быть такой же вялотекущей, как и предыдущая, недели, Кристина загорелась идеей устроить грандиозную вечеринку в честь своего дня рождения. Конечно, главным украшением вечера обещала стать не столько сама именинница, сколько ее младший брат, не испытывший особого восторга по поводу планов сестренки. А Марку вообще было плевать, кто и чем будет заниматься в его доме. Ему не хотелось видеть сытые довольные рожи компаньонов и так называемых друзей со своими любовницами, а некоторых эстетов и с любовниками, улыбающихся тебе в лицо, но окунающих в грязь за спиной. Он и сам не брезговал лицемерием. Так к чему лишний раз видеть себе подобных, тыкающих тебя в собственное гнилое нутро одним своим видом?

У него были планы получше. Он хотел зажать Данилу в каком-нибудь темном углу и высосать все силы из сублильного паренька со скверным характером одним яростным поцелуем. Глядя

на Хвостова, Марк чудесным образом забывал все принципы «только по согласию» и «без принуждения», и желал наброситься и обладать. Сказывалось не воздержание, а личность самого объекта. Этот мальчик обещал стать изюминкой в его коллекции любовных побед, благодаря своему многогранному характеру, сочетающему и серьезность, и мягкость, а также миловидной внешности, далекой от привычных для Марка стандартов. Оставалось только выждать подходящий момент.

— Господи, я что, собираюсь на встречу с папой римским?! — недовольно ворчал Данила, пока продавец в самом престижном из лондонских бутиков мужской одежды пытался поправить на нем брюки. Кристина только обреченно вздыхала и спрашивала:

— Is there anything else in your boutique? Something more masculine? Maybe you have classic costume in pale grey color?-* *Есть ли что-нибудь еще в вашем бутике? Что-то более мужественное? Может у вас найдется классический костюм светло-серого цвета?-** — и продавец был вынужден штудировать полированные полки и шкафчики из светлого дерева с робкой надеждой найти то, что угодно покупателю.

— Я же похож на пингвина!!! — проорал Хвостов, пугая и без того замученного продавца. Когда Кристи сагитировала своего муженька и братца покинуть мрачные стены имения, проехаться по городу и устроить самый грандиозный шоппинг столетия, мужчины долго отпирались, словно сговорившись. Но под напором аргументов хитроумной бестии крепость под названием «мужская солидарность» быстро пала.— Черт, я это не надену! И посмотри на цену!!!

— Милый, цена это последнее, о чем я думаю, если ты забыл,— удовлетворенно хмыкнула Кристина, разглядывая братца и пытаясь найти изъян в его костюме.

— Я это не одену!

— Этот цвет вызывает рвотные позывы!

— Господи, ну почему я не могу вообще не спускаться в этот вечер в зал???

— Чем плохи рубашка и джинсы!??

— Я на педика похож!

Так продолжалось около часа. Миссис Робертсон медленно закипала от гнева, а Данила только довольно ухмылялся и продолжал играть возмущение. Это было отнюдь не прихотью или капризом избалованного мальчика. Просто потихонечку разглядывая расценки, Хвостов чувствовал, как от количества цифр в каждой цене с ужасом подгибаются колени. Он не привык видеть такого количества дорогих вещей, и уж тем более не хотел быть сестре и Марку чем-то обязанным. Поэтому изгалялся над сотрудниками бутика в надежде, что принесут что-нибудь простенькое, неброское, недорогое. Хотя надежда на это угасала прямо на глазах.

— Все! Я сдаюсь! — проорала, наконец, Кристина и подскочила из мягкого кресла, обитого нежнейшим бархатом кремового цвета. — Выбирай сам, упрямый осел! Надеюсь, Марк вправит тебе мозги, а я пойду в кафе посижу. Успокою нервы чашечкой кофе.

— Дэни, сомневаюсь, что в этом салоне найдется что-нибудь простенькое, — вдруг заговорил, покинувший примерочную Марк. Одного взгляда на него хватило, чтобы сердце бухнуло куда-

то в пятки, а затем стремительно оказалось где-то в районе горла. Данила стоял, боясь шелохнуться, у большого продолговатого зеркала в посеребренном витиеватом багете. На нем был легкий костюм светло-серого цвета, поражающего своей нежностью, несмотря на оттенок. Но он в сравнение не шел с черным костюмом Марка и кроваво-красного цвета рубашкой, расстегнутой на несколько верхних пуговиц. Он удивительно ему шел. В совокупности с грациозной, чуть ленивой походкой, едва заметным прищуром сверкающих синих глаз, и чуть дрогнувшем в попытке воспроизвести ухмылку уголке губ, создавалось удивительно гармоничное и завораживающее впечатление. Казалось, вполне логично начать пускать слюни. Но Данила неотрывно смотрел на приближающегося к нему Марка и отчаянно пытался не краснеть.

«Черт, почему такая реакция на мужчину?!»

— У тебя воротник топорщится, — произнес Марк, аккуратно исправив огреху, как бы невзначай слегка дотронувшись пальцами до оголенного участка шеи. Робертсона очень порадовала реакция парня, напрягшегося и вздрогнувшего от этого прикосновения. «Он будет моим. Сам не понимает, что уже хочет этого...»

— Знаешь, тебе идет этот цвет, — сказал Марк, встав почти вплотную к изнывающему от смущения Даниле, рассматривая их отражения в глади начищенного до блеска зеркала, добавив еле слышно на ухо: — Это подарок тебе в честь приезда. Прими его, пожалуйста.

Данила ощущал кожей горячее дыхание, чуть щекотавшее ухо, и слабый аромат такого терпкого, но дурманящего парфюма. И был на грани понимания, что в нем вот-вот проснутся совсем непрошенные и нежелательные чувства.

— Хорошо. Спа-спасибо, — еле выдавил Данька, после чего, Марк, как ни в чем не бывало, спрыгнул со стойки у зеркала и пропел дружелюбным голоском: — Вооот и чуудненко! Пойдем искать твою сестру!

Ричард ожидал хозяев с непробиваемым безэмоциональным видом, но не мог не расплываться в улыбке, когда видел недавно прибывшего гостя. Парнишка пришелся по вкусу пронцательному мудрому старику и создал впечатление порядочного доброго человека. Это и восхищало, и огорчало одновременно. Водитель знал, как запущены нормы морали и нравственности в этом семействе. Начиная от покойного бабника Арнольда, и заканчивая Марком. Последнего Ричард нянчил с детства и, видимо, пропустил момент, когда хозяин испортился и пошел по наклонной. Марк был блестящим и цепким бизнесменом, но никудышным человеком, запрятавшим свои убеждения и чувства в самые темные уголки души за ненадобностью.

Поэтому, чем больше старик наблюдал за Данилой, тем больше пропитывался к нему сожалением. Он был свято уверен — мальчику здесь не место.

— Завтра будет ужасно шумно, — предупредил Робертсон, неожиданно материализовавшийся перед читающим книгу Данилой. — Тебе придется нелегко.

— Конечно, меня будут рассматривать и оценивать, как вещь на аукционе, — хмыкнул парень, стараясь незаметно отодвинуться подальше от бесцеремонно присевшего к нему на скамью Марка. Тот, конечно, заметил эти телодвижения.

— Не без этого. Но ты волен уйти к себе в любое время.

— Неужели?

— Господи, когда ты сможешь говорить со мной без этих ядовитых ноток? — обиженно просопел Марк, мало напоминая в этот момент делового тридцатидвухлетнего мужчину.

— Когда ты это заслужишь.

— Я стараюсь быть дружелюбным, — заметил Робертсон, чуть склоняясь к вмиг вспыхнувшему лицу юноши.

«Слишком сильно стараешься!» — пронеслось у Хвостова в голове.

— Я заметил.

— Неужели?

— Давай сменим тему.

— Хорошо. Предлагай.

— Лучше расскажи мне про свой бизнес, — спросил Данила, искренне надеясь получить интересный рассказ. — Чем ты занимаешься?

— Строю и продаю суда.

— О! И это интересно?

— Что?

— Ну, ты любишь то, чем занимаешься?

Марк впервые в жизни впал в священный ступор. Потому что его впервые в жизни спросили об этом. Пустяковый вопрос, заставивший бизнесмена серьезно задуматься.

— Знаешь, я не думал об этом никогда. Я просто руковожу, просто владею. Деньги, льющиеся мне в карман, приносят удовольствие. А сама работа — это просто просиживание задницы в кабинете и руководство на расстоянии десятками тысяч людей.

— У... Наверное, тыдохнешь со скуки, — серьезно предположил Данила, облокотившись на спинку скамьи и подперев голову ладонью, и внимательно слушал. Может, именно сейчас Марк хоть чуть-чуть откроется и перестанет быть циничным черствым хмырем.

— Что? Дэни, мне никогда не бывает скучно, — опять вернулась усмешка и излишняя самоуверенность. — Я изучаю людей.

— Как подопытных кроликов?

— Почти. Я как кукловод — никому не виден, но постепенно создаю грандиозные представления.

— То есть предпочитаешь издеваться над людьми? Используюешь их? — Хвостов опять начинал распалаться и нахмурился. Глупо было бы ожидать чего-то человеческого от Марка Робертсона.

— Дэни, ты опять злишься. Ай-яй-яй! Давай не будем ругаться.

— Давай. Только для этого мне, пожалуй, лучше уйти. Счастливо, — и парень быстрым и неуверенным шагом направился прочь от синеглазого противного субъекта.

«Хм, и как мне к нему подступиться? Не изображать же невинного агнца? Малыш не поверит» — разочарованно думал Марк, с удовольствием отмечая, что завтра наверняка пойдет дождь.

===== глава 9 =====

Нескончаемые потоки разговоров на чужом языке терзали уши Данилы, и без того скованно чувствующего себя под пристальными взглядами незнакомых людей. Ему надоело постоянно повторять, словно диковинному попугаю: «Yes, I am from Russia. I am a student. No, I'm on my break now. Yes, I find England amazing country»-*Да, я из России. Я студент. Нет, я сейчас на каникулах. Да, я нахожусь, что Англия — удивительная страна.** и много чего еще. Вечеринка была в самом разгаре, а уже хотелось поскорее убраться куда-нибудь подальше от расфуфыренных дам, впивающихся или голодным, или завистливым взглядом в твое тело, жалких позеров в дорогих костюмах, смотрящих на тебя с легкой снисходительностью и презрением, а также Кристины, в любой момент готовой натянуть на лицо улыбку.

Хвостова представили всем. Громогласно. От количества глаз устремленных на его скромную персону, становилось не по себе. Но кого это волновало? Единственным, кому было плевать на всех и вся, был Марк. После нескольких часов хаотичного брожения между гостями, по совместительству, являющимися деловыми партнерами, он незаметно исчез из поля зрения возмущенной Кристины.

— So, you're Missis Robertson's mysterious brother? *-Значит, вы и есть загадочный брат миссис Робертсон?** — к Даниле подошел импозантный мужчина с бокалом шампанского в руке, на тонком запястье которой красовались золотые часы, инкрустированные какими-то драгоценными камнями.

«Пф, ну и что это за цацка!?» — Хвостов скользнул взглядом по часам и посмотрел на незнакомца. — «Еще один богатенький, циничный хмырь!»

Карие глаза мужчины сверкали задором, а улыбка на тонких, чуть сжатых губах была искренней и мягкой. Рыжие волосы, модельно подстриженные, находились в «творческом беспорядке». Он не был так хищно красив, как Марк, но производил приятное впечатление человека, далекого от позерства или самодурства. Вопреки первому мнению, Данила инстинктивно проникся доверием к этому мужчине, поэтому не поспешил сворачивать с ним общение.

— Yes, that's me. But please, do not try to ask me those stupid questions about my age, education and other stuff. I am sick of it *-Да, это я. Но, пожалуйста, даже не пытайтесь спрашивать меня про мой возраст, образование и прочую ерунду. Меня уже тошнит от этого.**, — Данила опешил, когда мужчина засмеялся и протянул ему руку.

— I promise, I won't. My name is Edward. Edward Jones *-Обещаю, что не буду. Меня зовут Эдвард. Эдвард Джонс.**, — фамилия показалась парню смутно знакомой. — Nice to meet you, Daniel. You too feel a little bit bored, don't you? *-Рад познакомиться с вами, Дэниэл. Вам тоже здесь скучновато, не так ли?**

— Of course I do. No offence, but this isn't a place where I want to be right know. It is too noisy, too

unusual. I believe most of this people are just pompous, ignorant upstarts, who have no interest in anyone except themselves.- **Разумеется. Без обид, но это не то место, в котором я сейчас хотел бы находиться. Слишком шумно. Слишком необычно. Свято уверен, что большинство людей здесь просто вычурные невежественные выскочки, но не интересуются никем, кроме самих себя.** — не переборщи Данила с шампанским, он просто не позволил бы себе выдавать подобные фразы одному из гостей Марка. Но язык против воли развязался, к тому же было удивительно безопасно находиться рядом с Эдвардом.

Хвостов опешил, когда Джонс, задумавшись ненадолго, улыбнулся и ответил:

— I suppose you are right. But it's their choice. Their wish. They do not need moral scruples and sleepless nights, trying to make the world better. They just enjoy their existence as much as they can. Is there anything else they can do better than that? *-*Полагаю, вы правы. Но это их выбор. Их желание. Им не нужны угрызения совести и бессонные ночи в попытках сделать мир лучше. Они просто наслаждаются своим существованием так сильно, как только могут. Есть ли что-то, что они могут делать лучше этого?** — Джонс говорил то, что имел в виду. То, как думал на самом деле. И Данила понял, что перед ним может оказаться вполне интересный собеседник и хороший человек.

Они еще поболтали на необременяющие темы, а потом Эдвард клятвенно пообещал, что отвлечет звезду вечера Кристину на себя, пока юноша ненадолго выйдет подышать свежим воздухом. Ему очень хотелось уйти и заглянуть, наконец-то, в тот небольшой садик, находящийся в глубине имения, чуть дальше от конюшни, до которого упорно не удавалось пройти все прошедшие дни.

Сумерки постепенно окутывали природу, а воздух наполнялся прохладой и свежестью. Хвостов вдохнул полной грудью и направился, скользнув за довольно высокую железную калитку, по узким тропинкам, не переставая оглядываться по сторонам. Открывшееся перед ним уединенное тихое место нельзя было назвать ни садом, ни уж тем более садиком. Это больше походило на парк. Немного заброшенный, но не теряющий таинственного очарования. Пройдя по тропе через небольшие кустарники шиповника и жасмина, Данила оказался на открытой площадке, где, чуть скрытая от посторонних глаз деревьями, располагалась мраморная беседка — самое удачное место для отдыха.

— Бог мой, а ты как тут оказался? — голос Данила разрезал вечернюю тишину, когда он увидел прислонившегося к одной из колонн Марка. Он впервые видел, как его шурин курит, неспешно вдыхая горьковатый дым с чуть уловимым запахом ментола. Робертсон хмыкнул и обернулся.

— То же самое я могу спросить и у тебя, да Дэни? Ты бросил мою женушку на растерзание гостям и сбежал?

— Я не нанимался быть экспонатом на выставке, поэтому, когда мне надоели бросаемые взгляды, ушел. Это противоречит английскому законодательству? — недовольный Данила прислонился к небольшому резному столику в центре беседки. Он начинал злиться сам на себя, потому что не без удовольствия разглядывал высокого мускулистого Марка, в сумерках ставшего похожим на грациозную дикую кошку. Хитрую и опасную. — А ты почему спрятался? Неужели так тяжело выносить общество себе подобных?

— Дэни, почему ты такой колючий, — задумчиво проговорил Марк, отбрасывая окурок в сторону и обращая взгляд на недовольно бурчащего юношу. — У тебя на всех такая реакция?

— Нет.

— Значит, только на меня? Я польщен. Правда. Давно никто не презирал меня так открыто, — голос Марка был тягучим, словно патока, флиртующим и чуть хриловатым. Он специально так растягивал и произносил слова, уже зная, как на Данилу может подействовать всего лишь голос.

Последние слова мужчины больно резанули по сердцу Данилы, зарождая желание побыстрее извиниться и исправиться, но Марк был недалеко от истины. То, что при виде этого, знающего себе цену мужчины, испытывал Хвостов, не было презрением. Не в чистом виде. То был настолько многогранный спектр эмоций, который менялся от крайней ненависти до парадоксальной симпатии, от жалости до сочувствия, от вполне естественного желания дать по морде до иррационального — обнять и приласкать. Постоянный переход из крайности в крайность юношу и пугал.

— Я...я не презираю тебя, — выдавил Хвостов, не поднимая на шурина глаз. — я...

— А что тогда? — поинтересовался Марк, уже планируя, что делать дальше. Все-таки, место выбрано подходящее. Обстановка соответствующая. Так чего терять?

— Ты... — Данила совсем стушевался, чувствуя, как Марк приближается.

— Что, Дэни? — мужчина подошел вплотную, и теперь чувствовалось его горячее дыхание. Он уперся руками в стол по обе стороны от Хвостова, закрыв тем самым пареньку путь к отступлению.

— Я тебя...опасаюсь, — внезапно дрогнувшим голосом прошептал Данила, решившись встретиться с холодными синими глазами взглядом.

— Не надо, малыш, — и Марк совершенно бесцеремонно накрыл его губы своими. Поначалу это был крепкий, но нежный поцелуй, словно Даниле предоставлялась возможность вырваться и отстраниться. У него задрожали колени, трудно было стоять на ногах, когда теплые упругие губы Марка с привкусом коньяка и ментола исследовали его рот. Парень только крепче вцепился в плечи мужчины, осознавая, что уже давно желал этого поцелуя. И что будет не в силах ничего предпринять, чтобы остановить его.

Данила расслабился, чувствуя, как руки Марка исследуют его тело через одежду, прижимая ближе к себе, наполняя приятной негой. Он позволил углубить поцелуй, запустив пальцы в черные шелковистые волосы, позволил безжалостно терзать свои губы, упиваясь внезапным наслаждением. Данила не желал перехватывать инициативу, просто не представлял себе этого и просто отдался новым ощущениям.

А Марк был доволен. Наконец, он достиг первой цели. Все, как и планировалось. Без принуждения. Но, похоже, он слегка переборщил со страстностью, так как уже, не контролируя свои действия, в буквальном смысле вжимал паренька в себя, отрываясь от губ и лихорадочно исследуя такую заманчивую персиковую кожу шеи, чуть прикусывая косточки ключиц.

Шепот вечернего ветра. Шорох ткани. Шелестящее дыхание. Когда это произошло? Когда Данила захотел этого человека? Сейчас, вдали от всех, скрытые темнотой, они могли делать все, что угодно. Данила решил, что только сегодня, Марк будет его. Только его и больше ничей. И плевать на то, что это какое-то наваждение. Просто прихоть. Плевать на разочарование и стыд, которые неумолимо придут на следующий день.

— Мне просто очень хотелось поцеловать тебя. Обнять тебя, — в перерывах между поцелуями-укусами прохрипел Марк. Он не переходил пока грань дозволенного, иначе все могло рухнуть. Но сдерживаться было трудно. Возбуждение нарастало.

— Ты всегда получаешь, что хочешь? — Не может быть такой страстный и чувственный Марк тем самым циничным, самодовольным ублюдком.

«Ты всегда получаешь, что хочешь?» — не вопрос, скорее произнесенная вслух неудачная шутка. Но внезапный ответ больно хлещет по сердцу.

— Да, — или все-таки, может? Такое короткое слово. Такое емкое и холодное. До зубного скрежета. До почти животной боли.

Хвостов резко отстраняется и отталкивает Марка.

— Прости, но меня ты не получишь, — руки дрожат так, что застегнуть рубашку не представляется возможным.

Страсть уступила место ледяному спокойствию и отчуждению. Робертсон закурил. Ему показалось, что он с невероятной силой отброшен назад, хотя и был впереди.

— Я не вещь, Марк, — горечи в голосе достаточно, чтобы поморщиться. И Данька уходит, как всегда руководствуясь принципом — «никому не показывать своих слез».

Вечеринка и не думает закругляться. Все довольны жизнью, пьяны и разговорчивы. Есть прекрасная возможность проскочить мимо, потому что никто не обратит на тебя внимания. Данила поспешно поднимается по лестнице наверх, пока не слышит за спиной знакомый голос:

— Is everything alright, Daniel? *-* Все в порядке, Дэниэл? ** — Эдвард не мог не заметить его возвращения, так как стоял у окна, подальше от трескотни гостей. Взгляд обеспокоенный. Сопереживающий. Добрый.

— I am fine, Edward. Thank you and sorry for bothering. I just feel sleepy. Good night? *-* Я в порядке Эдвард. Спасибо и извини за беспокойство. Я просто хочу спать. Спокойной ночи? ** — вымученно улыбнувшись, сказал Данила и добавил: — I'm glad that I have met you, Edward. *-*Я рад, что познакомился с тобой, Эдвард.**

Мужчина только мягко улыбнулся и ретировался, пока Данила с ужасом думал, что чуть было не отдался мужчине, который принадлежит одному из самых близких для него людей в этом мире. Чужому мужчине...

===== глава 10 =====

Марку впервые после смерти отца снился сон. Нечеткий, но красочный. Он звал Данилу, но юноша боялся к нему подойти и уходил все дальше и дальше. Слышал, как за его спиной мерзко хихикает Кристина. Но ему было плевать. Он неотрывно следил за Данилой, удаляющимся к...другому мужчине. Лица его Марк не видел, но отчетливо почувствовал опасность, исходившую от незнакомца. И больше всего жалил тот факт, что Данила улыбался, глядя на этого человека. Открыто и счастливо. Резко проснувшись, открыв глаза и присев на кровати, Робертсон пытался понять, что задело его сильнее: то, что Данила его не услышал, или то, что светлая и теплая улыбка парня предназначалась не ему.

От такой нелепой реакции на сон мужчина возмущенно хмыкнул. Черт возьми, для него этот мальчишка никто! Так, очередная прихоть в ряде многочисленных. Ничего серьезного и уж тем более запоминающегося. Просто слишком много поставлено на кон. Вот и приходится беспокоиться.

Робертсон никогда самому себе бы не признался, что это оправдание было не совсем убедительным. Особенно, в свете последнего события. Смешно сказать, но взрослый мужик потерял контроль от простого поцелуя. Между прочим, первоначально задуманного по плану. Марку невероятно льстило, что трепетное хрупкое существо в его руках доверилось ему без каких-либо сомнений и опасений. Так страстно, переполненное эмоциями и чувствами, к нему льнуло. Черти что!

Но Марк скорее поверил бы, что Земля имеет форму пирамиды, чем в то, что испытывает симпатию и привязывается к какому-то заурядному парню. Поэтому, списав все на излишне полное погружение в роль, немного успокоился.

Кристина, в отличие от Марка и Данилы, которые были измучены собственными ночными размышлениями, была свежа, как огурчик. И невозможно было поверить, что она вчера чуть ли не стриптиз на фуршетном столе танцевала.

— Ох, дорогие мои, вот это была вечеринка! — восторгалась своими организаторскими способностями миссис Робертсон, морщась от переслащенного кофе со сливками. — Даже не подозревала, что алкоголь может расслабить и самых стойких зануд и снобов.

— Угу, Крис, ты постаралась на славу, — буркнул лохматый спросонья Хвостов, стараясь даже не смотреть в сторону шурина. Марк его примеру не следовал, впившись взглядом в ссутулившуюся фигурку парня. Напряжение не могло остаться незамеченным. Кристина, обладая, как и все женщины, поистине глобальным любопытством, не преминула поинтересоваться, что же произошло. Каково же было ее удивление, когда Данила густо покраснел, сослался на головную боль и удалился к себе в комнату.

— Что ты с ним сделал?

— Всего лишь следовал намеченному пути.

— А поподробнее?

— Крис, всего лишь поцелуй. Ничего не значащий, — вздохнул Марк и тоже выбрался из-за стола, надеясь настроиться на рабочий лад и перебрать финансовые отчеты.

«Хм, ничего не значащий для тебя, муженек. Для тебя...» — поведение брата не на шутку беспокоило Кристину. А вдруг Марку удастся захомутать наивного парнишку? Тогда миссис Робертсон придется несладко.

— Алло? — сонный голос на другом конце провода звучал недовольно. Видимо, его обладатель обратил внимание на дисплей, увидел имя абонента.

— Привет, дорогой. Как тебе вчерашний вечер? — Кристи разве что не мурлыкала в трубку.

— ...

— О! Благодарю. А... Как тебе мой братик? — задала девушка насущный вопрос. Ответа не последовало. — Ну же, колись!

— ...

— Даже так?! — довольный смех. — Марк решил поработать. Ты мог бы ему помочь. И к тому же, снова увидишь Даню...

— ...

— И что?

— ...

— Перестань артачиться. И приезжай. Да, я приглашаю тебя на ужин, Джонс...

Данила только принял холодный душ, предприняв тщетную попытку отрезвить разум и привести мысли в порядок, поэтому не особо волновался по поводу сменной одежды, проходя в комнату в одном полотенце на бедрах. И чуть было не вскрикнул, увидев восседавшего на его кровати Марка.

— Какого хера ты тут делаешь?!— за грубостью скрывалось смущение и неловкость.

— Я пришел поговорить, — Марк принялся пожирать вспыхнувшим взглядом фигуру парня. Жилистую, стройную, с влажной после душа персиковой, чуть заалевшей кожей. У Данилы были красивые руки, с тонкими запястьями и длинными музыкальными пальчиками. Все в нем было таким притягательным. И выступающие тазовые косточки. И выразительные ключицы. И зеленые, ясные глаза, в которых сейчас мелькнула тень беспокойства... Больше говорить ни о чем не хотелось. Было бы логичным заняться чем-то более продуктивным и приятным, но было еще рано.

— Перестань на меня так смотреть и говори то, что хотел, — держа курс на шкаф, парень старался не замечать голодного взгляда сапфировых глаз. А еще больше старался скрыть собственное начинающееся возбуждение. Память о нежных воспаляющих прикосновениях была еще свежа.

— Я прошу прощения.

Данила застыл, так и не открыв дверцу шкафа. Ему очень хотелось верить, что голос мужчины звучит искренне.

— Н-ничего. С кем не бывает. Бес попутал. Вот и поцеловал.

— Хм, ты не понял. Я прошу прощения не за поцелуй, — и Марк вновь бесшумно передвигаясь, положил руки на плечи Данилы. Вновь привычное тепло чужого тела и мягкость сильных рук. И чуть слышный шепот на ухо: — Никак не за поцелуй...

— Не-не ...надо, Марк,— еле выдохнул Хвостов, слабо сопротивляясь. Очень хотелось запрокинуть голову на плечо Робертсона и не думать о сестре, о зарождающихся в душе подозрениях и сомнениях, о возвращении домой...

— Неубедительно, Дэни...

— Не надо! — резкий окрик совладавшего с собой Данилы. — Перестань, Марк!

— Почему?

— Что? — нужно было срочно выбраться из кольца сильных рук и одеться.

— Почему не надо?— казалось в голосе Марка неподдельное удивление.

— Ты муж моей сестры! Какого хрена ты...

— Я хочу тебя.

— Я же парень! Парень!

— И?

— Марк, что ты несешь? Мы не можем!

— Вчера тебя это не останавливало, — и ладонью Марк «совершенно случайно» почувствовал возбуждение Хвостова, которое не могло скрыть даже плотное полотенце. Главное — не ухмыльнуться и не выдать голосом, насколько доволен.

— Вчера было вчера! — гневно протестовал парень, пытаясь хоть как-то взять себя в руки. — И я уже сказал тебе! Я не вещь!!!

— А я и не отношусь к тебе, как к вещи! — слукавил Марк, чувствуя, что и сам медленно, но верно начинает верить в то, что говорит.

— Да? С трудом в это верю!

— Вредный мальчишка...

В этот раз поцелуй был жестким и требовательным. Язык Марка пытался пробиться в рот сопротивляющегося юноши, а его губы терзали губы паренька, доставляя последнему, как ни парадоксально, невероятное удовольствие. Можно было больше не врать себе: Данила влюбился в Марка. Всего лишь за какие-то жалкие дни. Влюбился в мужчину. Иногда разбавляя вспыхнувшее чувство раздражением, обидой, презрением и даже ненавистью. Но все-таки, видеть его и чувствовать его хотелось больше, чем отталкивать и презирать.

Марк был взбешен. Потому что ему отказывали. Потому что не поддавались его чарам. Потому что этот зеленоглазый щенок оказался устойчив, упрям, и от этого безумно притягателен. Единственное живое существо, с которым Марк столкнулся и ... растерялся. Он никогда бы не позволил себе вывести чувства из-под контроля, но сегодня был не тот случай. Данила вообще был не «всякий» случай...

Хвостов уже давно обмяк в его руках. Давно стал отвечать на поцелуй с робкой страстью, цепляясь за его шею, как за спасательный круг, чтобы не упасть от сковавшего тело наслаждения. Давно начал сам прижиматься к Марку, чувствуя размеренный стук его сердца. Давно. Хотя прошли всего какие-то жалкие минуты.

А еще Данила знал, что никогда не позволит себе сдаться. Никогда не скажет Марку, что чувствует на самом деле...

— Данька, давай спускайся! У нас гости! — голос Кристины, уже в который раз безжалостно разрушил их уединение, возвращая в реальность, включая разум, заставляя останавливаться, и отступать друг от друга.

— Дэни...

— Уходи. Мне нужно одеться...

Марк летел по лестнице, как ошпаренный, чертыхаясь на ходу, и думая, что скоро станет вдовцом, если Кристина еще раз не вовремя появится на их с Данилой горизонте. И лишь прочнее зацепился за эту идею, когда увидел в гостиной Джонса, мирно попивающего кофе. Он прекрасно понял, кто ему позвонил и зачем. И осознал, что Кристина — достойный противник. Недооцененный, потому что является женщиной. В идеале — возвышенным, хрупким созданием, с романтическими мечтами и завалом плюшевых мишек. А на деле...

На деле Кристина только невинно хлопала глазками, всем видом давая понять, что все замечательно и «ее хата — с краю».

— Какого лешего ты тут забыл?!

— Я подумал, что именно сегодня ты разбираешься с бумагами, и решил помочь! — как можно искреннее заверил Эдвард.

— Точно. А я — губернатор Калифорнии, — хмыкнул Марк, но Эдвард уже перевел взгляд за его спину. Данила замешкался лишь на пару секунд, но потом, заметив Джонса, просиял и улыбнулся, от чего у Марка в районе, где, по теории, должно находиться сердце, неприятно кольнуло.

— Edward! Glad to see you so soon!-** Эдвард! Рад так скоро тебя увидеть!** — радость от присутствия приятного человека возростала в Даниле со сверхзвуковой скоростью.

— Hi, fellow. How are you today? Did you sleep well? ** Привет, приятель! Как ты? Хорошо спалось?** — вопрос был просто учтивостью, но Данила покраснел, натолкнув Марка на нехорошие размышления.

— Yes, thank you. I just feel a bit bored here, Edward. You understand me, don't you? *-*Да, спасибо. Я просто немного скучаю здесь, Эдвард. Ты ведь понимаешь, о чем я?**

— Yes, and in such case I have a proposition. Would you like to go with me to the theatre? *-*Да и в таком случае, у меня есть предложение. Не согласишься ли ты сходить со мной в театр?****

На колебания времени не требовалось.

— I'd love to! *-*С удовольствием!**

Но, к сожалению, не все были довольны ответом Данилы...

===== глава 11 =====

Спектакль был интересным и захватывающим. Данила с трудом мог вспомнить, когда последний раз был в театре или кино, признавая лучшим отдыхом посиделки с друзьями или чтение книг. Но представление было действительно чарующим. Актеры поражали игрой, легко перевоплощаясь в своих героев, живя их жизнью, эмоциями, чувствами. Неудивительно, что по окончании зал разразился бурей аплодисментов.

Эдвард был очарован. Его поражал детский восторг на личике юноши, его зеленые глаза, то,

как избирательно он относится к выбору собеседников, как дружелюбен по отношению к нему. Ему понравился Данила. С первого взгляда. На стройную фигуру, скрытую под светло-серым костюмом. На скучающее, но милое лицо, чуть скрытое темной челкой. А потом они пообщались, и Джонс решил, что очень хочет стать мальчишке другом, втайне надеясь на что-то большее.

Когда спектакль завершился, Эдвард пригласил Хвостова, бывшего в приподнятом настроении, и казалось, на время забывшего о проблемах, в ресторан. Помимо желания подольше побыть с юношей, цель была чисто практическая — не слишком культурно от голода урчал желудок. У обоих.

Джонс, будучи гурманом, прекрасно знал, в каких местах готовят, что называется «пальчики оближешь», поэтому, не долго думая, повез Хвостова в итальянский ресторан в центре Лондона. В никогда не спящий район неоновых огней.

— So, did you like the performance? *Итак, тебе понравилось представление? * — поинтересовался Джонс, когда официант уже принял внушительный заказ и успел незаметно улыбнуться, наблюдая, как возмущается Хвостов решению Эдварда угостить его ужином.

— Oh, it was amazing. Definitely, I have never seen anything like this before. The actors were brilliant and the atmosphere fantastic, *Ох, это было поразительно. Я никогда еще раньше такого не видел. Актеры были блестящи, а атмосфера фантастическая.* — Данила не лукавил и искренне улыбался, стараясь не вспоминать о Марке и своем смятении. Меньше всего он хотел, чтобы Джонс видел, каково его состояние. — You have my sincere gratitude. *У тебя есть моя искренняя благодарность.*

— Nonsense! The evening has only begun. So I'll try to entertain you tonight. I know how boring and brute Mark can be. And how busy Christine with herself is. It's a doubtful pleasure to stay at the mansion constantly. So, I've decided to become your savior, *Пустяки! Вечер только начался. Так что я постараюсь развлечь тебя сегодня. Я знаю, каким скучным и грубым Марк может быть. И как Кристина занята собой. Постоянно оставаться в особняке — удовольствие сомнительное. Так что, я решил стать твоим спасителем.* — темные глаза мужчины мерцали в чуть тусклом свете, которым был наполнен весь ресторан. В них был задор и теплота. Данила невольно сравнивал их с холодными, глубокими сапфировыми глазами и прекрасно понимал, что взгляд Джонса не может притягивать так, как гипнотизирующий, парализующий взгляд Робертсона. Как бы Данила не старался, мысли все равно вертелись вокруг шурина. Но никому об этом знать не надо.

— My fair knight! You saved my life from claws of bore! *Мой верный рыцарь! Ты спас мою жизнь из когтей скуки!* — Хвостов картинно закатил глаза и схватился руками за сердце, стараясь не засмеяться. У обоих получилось плохо.

Они еще много смеялись, когда Эдвард рассказывал о своей скучной работе юриста и о напыщенных клиентах, играя голосом и мимикой. Юноше было с ним легко и свободно, как со старшим братом, к которому всегда можно было обратиться за советом.

Заказ принесли, и Эдвард, вооружившись столовыми приборами, сказал:

— Daniel, tell me something interesting about yourself *Дэниэл, расскажи что-нибудь интересное о себе.*

И Хвостов выкладывал информацию о себе, как на духу...

Юноша вернулся в особняк только к полуночи, свято уверенный, что все его обитатели, кроме Мелиссы, уже давно покоятся в объятиях Морфея. Любопытная и открытая девчушка, с которой Данила уже успел сдружиться, потребовала от него подробного рассказа о проведенном дне. Она бы не уснула, пока не поговорила с ним.

Меньше всего ему хотелось бы встретиться сейчас с Марком, но, как известно, не все желания имеют привычку сбываться. Пробираясь через гостиную к лестнице, ведущей на второй этаж, Данила увидел у окна знакомый и такой желанный силуэт. Появилось легкое ощущение «дежа вю». Марк курил, стоя лишь в свободных пижамных штанах, лениво скользя взглядом по застывшему в дверях парню. У мужчины могла бы быть бессонница, но раздраженное выражение лица, вполне различимое в неосвещенном зале, наталкивало на другую мысль.

— Ты меня напугал! Почему не спишь? — Данила забыл, в каком просторном доме находится, поэтому старался говорить как можно тише, боясь, что кого-то разбудит.

— Как провел вечер? — даже натянутая улыбка не могла в полной мере скрыть стальные нотки в голосе.

— Замечательно. Но тебя это касаться не должно.

— Еще как должно. Эдвард мой юрист. Мой деловой партнер. Даже что-то, напоминающее друга, — «и мой любовник», хотелось добавить, но здравомыслие переборол злость. — Не думай, что он чем-то отличается от меня.

Данила мгновенно ошетинился.

— Мне плевать, кто он для тебя. Для меня он — единственный нормальный человек здесь. Естественный и добрый. И мне нравится проводить с ним время.

Марк захохотал. Едко, саркастично, чуть ли не хватаясь за живот. Не знай Данила, кто перед ним, подумал бы, что это истерика. И ревность. Но разве не много парень захотел?

— Блажен тот, кто верует! Ты думаешь, что, пообщавшись с ним пару дней, знаешь об Эдварде все? Не смей меня, Дэни!

— А какое тебе, собственно, дело?! Я тебе никто!

— К тебе я никого не подпущу, даже не надейся! — угроза в голосе. Небрежная поза. Руки в карманах.

— Иди в задницу! Ты мне никто! И я тебе ничего не должен. Не мешай мне нормально жить.

— Сдается мне, думай ты так, не вырывался бы так слабо из моих объятий.

— Заткнись! Это больше не повторится. Я слишком ценю свою, хоть и никудышную, сестру.

— Да причем здесь Крис?!

— Она твоя жена.

— О любви между нами и речи быть не может. У нее любовник в Лондоне живет. И я об этом неплохо осведомлен.

— Что? — Данила от такой новости даже присел на софу.

— То. Так что тебя мой брак беспокоить должен в последнюю очередь, — Марк судорожно соображал, как же заставить мальчишку подчиниться ему. Его нужно срочно приручать, иначе проигрыш неминуем. Но стоило признать, что ревность тоже была замешана. Просто Робертсон прекрасно знал, как убедителен и настойчив может быть Джонс. Они с ним уже это проходили. — Чем больше ты отталкиваешь меня, тем сильнее мое желание тебя заполнить.

Хвостов устал за сегодняшний день. Глаза слипались, а соображать совсем не хотелось. И ни к чему этот глупый ночной разговор не приведет.

— Смирись. Я больше не буду нарушать свои принципы. Больше не буду...

«В угоду своим чувствам и твоему самолюбию» — подумал Данила перед тем, как удалиться...

Все последующие дни Марк бесился, наблюдая, как комфортно и свободно себя чувствует Данила в обществе заезжавшего по делам Эдварда. Он помогал с бумагами, проверял схемы работы фирм, в гнетущей тишине наблюдая за нахмуренным и отстраненным Марком, и злорадно ликуя от этого. Но неизменно проводил время с Данилой, болтая о пустяках. Юноша был очень эрудирован и начитан, что не могло не радовать, и служило хорошей пищей для разговоров.

Кристина думала, что все складывается, как нельзя лучше, но, будучи человеком проницательным, замечала, какие перемены происходят с ее мужем. И была поражена.

— Какого черта ты его-то сюда приплела? — отстраненно поинтересовался Марк, когда спустился к ужину. Данилы не было. Он совершал очередную прогулку по парку с фотоаппаратом в руках. Кристина же была всем довольна и сияла.

— Кого?

— Ой, перестань. Какого хрена ты его сюда приплела!?

— Хм, ну поначалу мне захотелось внести разнообразия, добавить интригу. А потом я подумала, что если вдруг в моем брате начнут зарождаться способности к участию в «Голубом огоньке», то Джонс как нельзя лучше подходит на роль кавалера.

— Угу. Черта с два!

— Не нравится проигрывать? — уточнила Кристи.

— Детка, я никогда не проигрываю, — отчеканил Марк, вовремя замолчав, так как Данила тотчас материализовался за его спиной.

— Я это запомню, муженек...

Казалось бы, дел было не так много. Компания как функционировала, так и продолжала. Причем, со значительным улучшением финансовой ситуации. И, тем не менее, Марк и Эдвард засиделись допоздна. У обоих уже гудели головы, но Марк все-таки решил не откладывать в долгий ящик долгожданный разговор «по душам».

— Что тебе потребовалось от Данилы? — по выражению лица Эдварда казалось, что этого разговора он ожидал меньше всего. Но раз уж речь зашла об этом, то скрывать было нечего.

— Ничего. Мне просто нравится его общество.

— И его задница! — Марка злил спокойный и уверенный голос Джонса.

— Черт возьми, не все такие похотливые ублюдки, как ты, мой друг. Он мне очень дорог. И действительно нравится мне. Не только, как мужчина. Но тебе со своим самодурством этого не понять!

— Ой, перестань жевать эти сентиментальные сопли!

— Мне плевать, что ты об этом думаешь.

— Ты слишком часто стал сюда наведываться. Не приближайся к нему!

— Ох, брось, Марк. Кому ты угрожаешь?

— Он мой.

— Черта с два! Он очередная твоя забава. Возможно, если бы ты видел дальше собственного носа, то смог бы его получить. Но ты слишком избалован, хладнокровен и циничен. Чувства — непозволительная роскошь для тебя. Поэтому, я так просто не отступлюсь.

— Мой юрист сошел с ума! — сам себе констатировал Марк, вгрызаясь взглядом в Эдварда. — Не думай, что я буду спокойно наблюдать, как...

— Как кто-то уводит из-под носа добычу, — продолжил за него Эдвард, и усмехнувшись, принялся складывать бумаги в кейс. — Не думай, что все всегда будет по твоему, дружище.

Через некоторое время Джонс ушел, а Марк, скрепя сердце, сам себе признался, что уже не рассматривает Данилу как «добычу»...

===== глава 12 =====

Кристина, казалось, посетила все спа-салоны, которые только смогла найти. Обошла все бутики, которые только существовали. Данила же, которого сестра буквально силой выволокла из дома, проклинал тот день, когда ей в руки дали платиновую кредитную карту.

Он не хотел оставаться с Марком, а поскольку у шурина был, мягко говоря, свободный рабочий график, тот постоянно торчал в имении, никуда не выезжая. Но когда Кристина, поддавшаяся особо садистскому вдохновению, решила, что для красного коктейльного платья ей не хватает белой сумочки, Хвостов засомневался, то ли из двух зол он выбрал.

Ближе к вечеру запас энергии у Кристины закончился, и донельзя обрадованный Хвостов, с облегчением пристроил свою пятую точку в одном из удобных плетеных кресел милого уютного кафе. Взглянув на устроившуюся напротив сестру, он понял, как давно не гулял с ней, не разговаривал. Сейчас представлялась прекрасная возможность, даже если весь день он играл роль носильщика, обвешанного пакетами с платьями и обувными коробками.

— Ну, по чашечке кофе? — довольная Кристина, наконец, оторвалась от мобильного телефона, и улыбаясь, посмотрела на брата. Перед ней сидел уже не сопливый подросток с кучей комплексов, но упрямым характером, еще не мужчина, с устаканившимся образом жизни, а милостивый юноша с живыми глазами и излишней принципиальностью. Не будь она такой стервой, возможно, никогда не познакомила бы его с Марком, никогда бы не поспорила. Но,

условия были интересными, а о личной жизни Данилы она ничего не знала, поэтому любопытствовала, сможет Марк сделать задуманное, или нет.

— И как тебе здесь?

— Страна, как страна. Ничего особенного. Воистину, везде хорошо, где нас нет.

— А то место, в котором я живу?

— Красивое. Но слишком большое. Простор, конечно, хорош, но необязателен, — Данила пожал плечами, уткнувшись в фарфоровую чашечку.

— Конечно, не наша квартирка, но все же, — хмыкнула Кристина и, словно невзначай, поинтересовалась:

— Вы с Марком хоть нашли общий язык?

Хвостов понадеялся на чудо в этот момент, чтобы не покраснеть. «О да, нашли. Еще как!»

— Не думаю, что мы поладим. Все-таки, я его может, и вижу-то последний раз в жизни. Это того не стоит. К тому же, иногда он меня просто бесит!

«Особенно, когда не принимает мои отказы и набрасывается на меня».

— Ну, это его натура. Избалованный бизнесмен. Да к тому же гей, — миссис Робертсон прикрыла рот ладонью, наблюдая за реакцией Данилы, неестественно широко раскрывшего рот.

— Что-что? — тогда становится понятно, к чему были все эти плотоядные взгляды и поцелуи. На него запал гей. Он сам запал на гея. Хм, такое с ним происходит впервые.

— Да. Голубее не бывает. Опережая твой следующий вопрос, скажу, что у нас с ним просто деловые отношения. Точнее, он меня содержит. Безвозмездно. За мелькание с ним на приемах, конференциях и светских раутах перед носами приставучих папарацци.

— Я думал, вы любите друг друга, — в свете таких новостей, парень засомневался, в каком времени употребить глагол.

— Ага. До гроба, — девушка захихикала.— Не смей меня. Мы просто друг другу удобны. Я уже давно встречаюсь с другим человеком, и Марк знает это. И даже прикрывал меня пару раз.

Хвостов не верил своим ушам. Для них с Робертсоном все выходило так просто. Просто вместе, просто муж и жена. Так, одни названия. Но это означало, что если бы Данила согласился, то мог бы...быть с Марком. Но, оценит ли это Робертсон? Нужно ли ему то, что Данила предложит?

— Данька, я заметила, как вы друг на друга реагируете. Скажи, между вами что-то происходит? — Кристина могла бы когда-нибудь получить «Оскар» за лучшую женскую роль.

— Не говори ерунды! Я же не... гей.

— Даже если бы и был, ничего особенного. Здесь с этим проще. Сейчас вообще с этим проще.

— И что теперь, сменить ориентацию на радостях? — Хвостов неудобно себя чувствовал, разговаривая на эту тему.

— Нет. И знаешь, не увлекайся Марком. Он скользкий мужчина. Самонадеянный. Черствый. Я же его несколько лет знаю. Постоянно вижу его. Слышу. Общаюсь с ним.

— Я и не собираюсь. Он мне не нужен, — отрезал Данила, решая переключиться на другую тему, потому что еще чуть-чуть, и он ляпнет сестре то, что ей знать не надо. — Лучше расскажи о парне, который сумел тебя закадрить...

Через пару дней, в стенах особняка появился Эдвард, чтобы переговорить с Данилой. Совершенно игнорируя возмущенные взгляды Марка, он прошел в гостиную, обнаружив интересующий его объект за болтовней со служанкой, аккуратно расставляющей на чайный столик фарфоровый сервиз.

Джонс специально пришел к чаю, чтобы иметь возможность побыть рядом с парнем подольше, и к тому же, увидеть реакцию Робертсона на свое предложение.

Кристина уехала к «подружке», понадеявшись, что за это время ничего, из ряда вон выходящего, не произойдет. Эдвард же, выждав определенную паузу, заполненную беспечным, безинформативным лепетом, заговорил о том, ради чего сюда и приехал:

— Daniel, I invite you to my mansion on weekend,-* Дэниэл, я приглашаю тебя в мой загородный дом на выходные. * — от такой наглости Марк хотел треснуть нахала чем-нибудь тяжелым, внутренне почти восторгаясь его напору, а Данила задумался. Идея была не такой уж и плохой.

— But sister...I mean, without her permission...,- * Но сестра...Я имею ввиду, без ее разрешения...* — казалось, что Данила не чувствует, что синие глаза его в данный момент прожигают насквозь, с нетерпением ожидая ответа.

— She knows. I told her.- *Она знает. Я сказал ей.*

— Then I suppose...Fine.-* Тогда, я думаю...Хорошо*

Договорившись, что он заедет на следующий день после обеда, чтобы препроводить Данилу в свой загородный дом, Эдвард ретировался, провожаемый всевозможными проклятиями со стороны Марка, и мысленно сжигаемый и развеваемый по ветру.

Не дожидаясь, когда Робертсон начнет что-либо говорить, Данила просто скрылся в своей комнате, и спустился только к ужину, чтобы спустя полчаса вновь незаметно удалиться.

Часы пробили десять вечера, когда Марк, меряя шагами свою спальню, решил, что пора действовать. Ему надоело, что пока он подготавливал почву, разведывал обстановку и делать первые пробные вылазки, к его объекту уже подбирались другие. Судя по всему, более располагающие к доверию. Это было абсолютно нежелательным. Данила был нужен Марку. И тот не собирался уступать парня своему бывшему любовнику. Была ли это ревность, или все еще просто пари, Робертсон уже не понимал. Все цели, изначально поставленные, рушились, как карточный домик, смешиваясь с вновь устанавливающимися, более светлыми. Он еще точно не знал, к чему его будущие действия приведут, но упускать Данилу больше не собирался, поэтому плюнул на последствия, и не рассчитав силы, слишком громко при выходе хлопнул дверью...

— Кто? — Данила мучительно думал, что же ему брать с собой, когда в дверь постучали. Какие вещи положить в рюкзак так, чтобы было и не тяжело и все, что необходимо присутствовало? Хвостов ухмыльнулся. Как ребенок, ей Богу! Но любопытство брало свое. Было интересно узнать, каким будет дом Джонса. К тому же образец для сравнения уже был. — Войдите.

— Спросил бы сначала, вдруг это я пришел, — хмыкнул Марк, проходя внутрь.

— Даже если бы я не пустил, тебя бы это остановило? — Хвостов начинал грубить, скрывая смущение и разом нахлынувшее желание чувствовать вкус губ Марка на своих губах.

— Дэни, я пришел сказать, что ты никуда не поедешь. Тем более к Эдварду!

— Тебя забыли спросить! — с такой наглостью Хвостов сталкивался впервые. — Если ты пускаешь слюни на мою задницу, это не значит, что уже можешь мной распоряжаться!

— Слюни пускаю? — в два прыжка Марк оказался перед Данилой и захватил его вздрогнувшее тело в стальные тиски своих рук. — Между прочим, не я один. Кристи, конечно же, не рассказала, что Эдвард — мой любовник.

— Что?!

— Да, так что на твою задницу, как ты выразился, виды имею не только я! — Марк вновь чувствовал запах его кожи, смотрел в его зеленые глаза. Ну и что, что в них промелькнул испуг. Не важно. Главное — юноша снова в его руках.

— Прекрати! Я не собираюсь мириться с вашими озабоченными фантазиями! Пусти! — усилия отодвинуться подальше были тщетны, но попытаться стоило.

— Перестань же вырываться, Дэни, — шептал Марк, касаясь невесомыми поцелуями ушной раковины Хвостова.

— Зачем ты это делаешь? Чего ты хочешь от меня? Пусти, пожалуйста, — голос дрожал от смешавшихся чувств. Данила прекрасно понимал, что еще чуть-чуть такой пытки, и вырываться не будет ни сил, ни желания.

Марк только крепче прижал юношу к себе, намереваясь добраться уже до кровати, но вместо того, чтобы прикусить, наконец, свой аристократический язык, ляпнул:

— Что мое, то мое! И я не позволю на это претендовать другим, — и резво подхватил на руки, начавшего после этих слов брыкаться, Хвостова. Кажется, в пути до кровати Робертсон чуть не споткнулся, уворачиваясь от кулаков парня.

— Я ненавижу тебя! — шипел Данила, извивающийся под тяжестью горячего тела Марка, начиная возбуждаться так, что в глазах темнело. — Каждой клеточкой тела ненавижу!!!

— И каждой клеточкой хочешь, — констатировал очевидный факт Робертсон, накрывая припухлые губы парня своими...

А дальше уже ничего не имело значения. Ни начавшийся внезапно за окном ливень, ни мерное тиканье всегда точных часов, ни редкие шаги прислуги за дверью.

Они были поглощены друг другом. Уверенные пальцы неторопливо расстегивают рубашку на чуть подрагивающем от предвкушения теле. Одежда становится абсолютно лишней.

Ненужным предметом, лишь мешающим двум возбужденным, разгоряченным телам почувствовать друг друга. Теплые, чуть сухие губы Марка скользят по коже, оставляя огненные следы. Его руки с завидными упорством и внимательностью проходят путь от острых, точеных ключиц до напряженных сосков, исследуя мягкую, шелковую кожу.

Данила закрывает, затуманенные страстью и желанием глаза, отдаваясь новым ощущениям, превратившись в одно сплошное нервное окончание. Язык Марка уже давно измывается над каждым миллиметром тела парня, приближаясь к возбужденному до предела члену. Он делает своему мальчику приятно, стараясь сдерживаться, контролировать острую потребность кусать, терзать, обладать безраздельно.

Губы касаются возбужденного члена любовника, вырывая хриплый стон. Марк пробует напряженный орган на вкус, вбирая до основания, заставляя Данилу впиваться ногтями в его плечи, ближе притягивать к себе, извиваться от наслаждения, подаваясь ближе. Покусывая пряную, чуть солоноватую кожу, мужчина чувствует, что пора дать такому покорному и нежному мальчику большее. Тем более что сам уже не в состоянии сдерживаться.

Он отстраняется от члена любовника, вызывая недовольный стон, чтобы приникнуть к его влажным приоткрытым губам, глотая всхлип юноши, вызванный дискомфортом от своих пальцев внутри него. Марк бережно растягивает и подготавливает Данила, отвлекая поцелуями-укусами и нежным шепотом от неприятных ощущений. С удовольствием видит, как очередное движение пальцев заставляет юношу выгнуться дугой и телом просить большего.

— Дэни, мой хороший, расслабься, — шепчет Марк, закидывая ноги парня себе на плечи, и резким движением входит в него, видя, как судорожно любовник хватается за воздух и закусывает губу от новых, болезненных ощущений.

— Потерпи, пожалуйста, Дэни, — прерывисто просит Марк, начиная двигаться медленно, томительно, постепенно наращивая темп. Проходит несколько мгновений перед тем, как Данила сам впускает его глубже, требует не останавливаться, стонет от удовольствия, закусывая ребро ладони, чтобы не кричать.

— Марк...Марк... — шепчет парень, извиваясь, чувствуя, как рука мужчины обхватывает его напряженную плоть, задавая ритм движений, усиливая напор. Хвостову уже все равно, что будет дальше. Ему нужно, чтобы это абсолютно новое для него безумие не заканчивалось.

Марк наклоняется ближе к заалевшему лицу парнишки, глядя в сверкающие зеленые глаза, видя растрепавшиеся темные волосы с чуть уловимым ароматом хвои, и шепчет:

— Никому не отдам... — последний, глубокий толчок, последнее движение руки и тишина разрывается хриплым полустоном — полувскриком, а Марк обессиленный и удовлетворенный падает рядом с часто дышащим, улыбающимся Данилой. Он чувствует, как под его рукой учащенно бьется сердце. Сейчас не нужно ни о чем говорить. Они просто восстанавливают дыхание. Приходят в себя после совершенно новых, непередаваемых эмоций.

И только лишь, когда парень прижимается к мускулистому телу любовника, кладет голову ему на плечо, попадает в теплое и крепкое кольцо рук, словно защищающее от внешнего мира, и проваливается в сон, Марк шепчет:

— Мой... — и закрывает глаза, следуя примеру Данилы.

===== глава 13 =====

Данила проиграл в споре с яркими солнечными лучами, освещающими его спальню, и с трудом открыл глаза. Он бы вообще никогда не вставал с постели. Особенно, когда рядом, крепко прижимая его тело к себе, спокойно и ровно дышит любимый мужчина. Чуть повернув голову, Хвостов взглянул на спящего Марка. Его губы были плотно сжаты, а черные длинные ресницы чуть подрагивали. Никогда еще его лицо не имело такого по-детски беззащитного, но вместе с тем, серьезного выражения. Данила улыбался, думая, что произошедшее было самым замечательным и страстным моментом в его жизни. Ему было плевать, что рядом — мужчина, что на все это скажет Кристина, мама, друзья. Он просто хотел ощущать тепло сильного тела Марка как можно дольше.

— Ты хочешь засмотреть меня до смерти? — сонным голосом буркнул Марк, и крепче сгреб в охапку хрупкое юное тело, поленившись открыть глаза. — Имей ввиду, я так просто не сдамся!

— Посмотри на меня, Марк, — улыбаясь, шепотом попросил Данила, и встретился взглядом с ясными сапфировыми глазами. В них неуловимо отразилась какая-то новая эмоция. Новое чувство, раньше не проявлявшееся. Нежность.

Губы Марка скользнули по скуле Хвостова, опускаясь к подбородку, подбираясь к припухлым губам. Он обнимал его, думая, что сегодня обязательно нужно поговорить с Кристи. И черт с этими деньгами! Лишь бы это упрямое, ранимое, вредное и прелестное создание не разочаровалось в нем. Марк уже давно разочаровался и в самом себе, и в окружающих его людях. Проще быть напыщенным идиотом, чем Робин Гудом. Легче жить, зная, что все в этом мире и места рядом с тобой не заслуживают. Но, наверное, Данила научил бы его жить по-другому. Научил бы?

— Что теперь будет? — поинтересовался разморенный поцелуями Хвостов, когда Робертсон соизволил оторваться от его губ. Мужчина на секунду нахмурился, словно думая о чем-то серьезном и важном, но потом ухмыльнулся и произнес:

— Ну, к Джонсу ты не поедешь! — легкий укус мочки уха и в ответ приглушенный смех.

— Не поеду, — сверкает глазами темноволосое чудо. — Но правда, Марк, что теперь будет?

Робертсон откинулся на подушки, притянув Данилу к себе, уткнувшись носом в темную макушку, и задумчиво произнес:

— Все будет хорошо. Я это обещаю...

Провалившись до обеда в постели, они решили, что пора бы уже и перекусить, тем более, что скоро должен был приехать Эдвард. Приехать, чтобы получить отказ. Такое событие не могло не радовать Робертсона, и не смущать Данила. Все-таки, несмотря на свои чувства, в свете открывшихся сведений об Эдварде, обижать его не хотелось. Этот чуть выше среднего роста мужчина, с неизменным теплом во взгляде и добродушным выражением лица, не прочно, как Марк, но все же занял свое место в сердце молодого человека. Хвостову всегда претили новые знакомства. Он был доволен лучшими друзьями и старыми знакомыми. Новых заводить было утомительно и нецелесообразно. Но Джонс смог бы стать для него хорошим другом.

Когда после обеда Эдвард, сияющий, как серебряный пятак, прошел в гостиную, Данила как раз пытался вырваться от зажимающего его в кабинете Марка. В принципе, ничего против тактильного контакта с этим синеглазым красавцем парень не имел, но Марк вел себя отнюдь не как тридцатидвухлетний взрослый мужчина, а как ребенок. И такая резкая смена поведения зарождала в глубине души Хвостова тень беспокойства, словно Марк знает что-то, что неизвестно ему.

— Иди, а то Эдвард забеспокоится, — хмыкнул Робертсон, получая в ответ укоризненный взгляд. — Я еще поработаю здесь.

— Не надо так, Марк. Он же и тебе был когда-то близок, — проговорил Данила, выходя из кабинета.

— Hi, Danny. So are you ready? *Привет, Дэни. Ты готов?* — улыбнулся Джонс, увидев входящего в гостиную Хвостова. По напряженному выражению лица парнишки, по задумчивым зеленым глазам и неуверенным ломаным движениям, мужчина почти все понял, и сердце пропустило удар. Но догадки — лишь догадки, какими бы близкими к реальности они не являлись. Хотелось услышать все из уст Данилы.

— I'm sorry, but I can't, *Прости, но я не могу.* — начал юноша, виновато глядя на Эдварда. — I know about your interest towards me, but I can't accept it. Sorry. Really, just do not be upset. *Я знаю о твоём интересе по отношению ко мне, но не могу принять его. Прости. Правда, просто не расстраивайся.**

Эдварду оставалось только слабо улыбнуться в ответ, не думая ни о чем, просто слушая теплый юношеский голос. Он знал, что Марк добьется своего. Жажда лидерства в его крови. Он слишком искусный любовник и хитрый соперник. Не тот, которого можно недооценивать. Это чревато проигрышем. А еще он знал, что Робертсон стоит за дверью и подслушивает. Не потому что настолько дурно воспитан, а потому что хочет насладиться моментом.

— I like you very much, Danny. More than I could imagine. *Ты мне очень нравишься, Дэни. Больше, чем я мог вообразить.* — если все и так понятно, то остается только сказать о своих чувствах напрямую. Его слова заставили Хвостова смутиться и потупить взгляд.

— I'm sorry. *Мне жаль.*

— Is it because of him? Just be honest. *Это из-за него? Просто будь честен.* — произнес Эдвард, спиной чувствуя, как в комнату заходит Марк, и еще не зная, что Кристина давно вошла в дом, и ждет удобного момента, чтоб предстать перед мужчинами во всей красе.

Данила бросил теплый взгляд на стоящего в дверях Марка, вздохнул поглубже, и прошептал, обращаясь к Эдварду:

— I love him... *Я люблю его.* — парень не увидел, как тепло улыбнулся Марк, и как широко открыла в изумлении рот, только что вошедшая Кристина. Воистину, женщины хитры и коварны.

— Черт возьми, Марк, ты выиграл! — возмущенно вскрикнула сестра, наблюдая, как вздрагивают и Робертсон, и Данила, решившийся поднять глаза. — Братец, ты оставил меня без средств к существованию!

— Что все это значит? — дрожащим голосом поинтересовался Хвостов, чувствуя, как горечь, пока еще непонятно чем вызванного разочарования, поднимается из глубин души. Сапфировые глаза смотрели прямо перед собой, словно ничего не происходило вокруг, и никого не было.

Эдвард вообще старался не влезать в разговор. Во-первых, по-русски он вообще ничего не понимал. Во-вторых, он почему-то смутно ощущал ликование, наблюдая за напряженным лицом друга.

— Ничего. Просто Марк и я поспорили, что он влюбит тебя в свою непревзойденную персону.

На карту поставлена, кхм, была поставлена половина его состояния. Он был очень уверен в себе, черт возьми! И выиграл же! — обиженно бубнила Кристина, острым пронизательным взглядом подмечая, как хмурится Марк, и в каком смятении находится ее брат. Она бы ни за что так открыто, с бухты-барахты, не раскрыла все, как на духу. Не так внезапно. Не так прямо. Но на то были свои, одной ей известные причины. — А ты профессионал, Марк.

— Это правда? — спокойным, безэмоциональным тоном спросил Данила. Ему не было больно. Он просто злился на себя. Злился на то, что так легко попался. На то, что глупое сердце все равно стало плясать под чужую дудку. На то, что первое впечатление все же самое правильное. О сестре, в которой и так уже успел разочароваться, он вообще не думал. Она того не стоила. Он ждал ответа, следя за каждым движением Робертсона, за каждой эмоцией, отражающейся на лице. Марк был невозмутим только внешне. Но сейчас ни за что не стал бы опускаться до скандалов или самобичевания.

— Да, — все тем же коротким, ледяным словом, признался Робертсон, царапая уже не только по юношескому сердцу, но и по своему собственному. Было бы глупо скрывать очевидное, умолять простить, убеждать, что чувства, задумывающиеся, как игра, стали вполне реальными. Он — Марк Робертсон. Ему никто не поверит. Особенно, его хрупкий непокорный мальчик.

Хвостов глубоко вздохнул, на мгновение прикрыв глаза, и сказал:

— Edward, please, take me away. I'll go and pack things. *-*Эдвард, пожалуйста, заведи меня. Я пойду и соберу вещи.**

— I'll wait for you in the car, *-*Я подожду тебя в машине.** — наконец, произнес Джонс, наблюдая за собравшимися в гостиной. Он все это время молчал, следя за каждым их жестом, мимикой, эмоциями. Он был рад, когда Данила попросил его забрать из особняка. Это давало ему шанс стать незаменимым для юноши, попытаться вылечить сердечные раны. Джонс был бы круглым дураком, если бы упустил такую возможность.

Никогда еще с такой скоростью Хвостов не собирал свои вещи. Он просто отчаянно хотел покинуть это место, уехать подальше от Марка, от его глаз, от его губ. Даже сейчас, проклиная его всей душой, он не мог забыть того чувства наполненности и смысла, который сумел своим присутствием дать Марк его существованию. Но обида клокотала в душе, раздирала сердце на куски. Он упрям и не сможет его простить. Даже если попытается.

— Дэни, — любимый голос, вдруг ставший до боли режущим слух.

— Я все понимаю. Все. Было бы глупо просто так за две недели найти того, кто действительно стал дорог. Еще и мужчину, — Хвостов продолжал запихивать вещи в рюкзак и черную сумку, рассчитывая, что неприятный спазм, внезапно сковавший горло, скоро отступит.

— Ты любишь меня? — как будто бы он в гостиной этого не слышал.

— Больше, чем хотелось бы, — Данила честен. Это единственное, что он мог ответить сейчас — правду.

— Ты остаешься, — не вопрос, а утверждение. Такое окончательное и уверенное, что юноша даже усмехается. Это натура Марка. Холодный снаружи. Страстный внутри. Несчитающийся с мнением других. Самонадеянный, циничный, грубый. «Мой».

Он похож на пламя, яркое и опаляющее, к которому будешь стремиться против своей воли, даже зная, что безвозвратно сгоришь в его объятиях. Все это можно увидеть сквозь толстый

слой льда и холодный надменный взгляд.

— Я уезжаю.

Данила твердо решил, что завтра же купит билет до Москвы. Он больше не будет оставаться на гостеприимной территории Туманного Альбиона. И больше не будет вспоминать ни о чем, произошедшем здесь.

===== глава 14 =====

Погода резко испортилась за те три дня, что Данила провел у Эдварда в загородном доме. Мужчина, как мог, поддерживал его, но апатия и тоска наваливались с трехкратной силой. Хвостову было очень плохо. Он чувствовал себя использованным, грязным, но когда наступала ночь, долго не мог закрыть глаза, вспоминая Марка, его губы, его тело, его прикосновения. Иногда он не понимал, как можно испытывать настолько иррациональные чувства к человеку, настолько сильные, зная его от силы пару недель. Но ничего не мог с собой поделать. И даже авиабилет до Москвы, мелким шрифтом гласивший о завтрашнем отлете, не мог настроить Данилу на нужный лад. Он покидал это место, перевернувшее его жизнь с ног на голову, но словно оставлял здесь что-то важное. Незаменимое.

Перемены в настроении юноши, его тоска, будто воздушно-капельным путем, как какое-то редкое инфекционное заболевание, передавались и Джонсу. Положение усугублялось тем, что мужчина хотел его. Со всей нежностью и страстью. Но прекрасно понимал, что в лучшем случае, получит счастье на одну ночь. В худшем — потеряет Данилу даже как друга. Именно невозможность выбора из двух зол и мешала ему успокоиться. Все эти дни он старался поддерживать парня, как умел. Но знал, что Марк каким-то образом сумел вьестись в мысли и душу Хвостова, даже на расстоянии не оставляя его. И это выводило из равновесия...

— Марк, перестань киснуть и побрейся уже! На тебя смотреть страшно! — ворчала миссис Робертсон, кидая гневные взгляды на развалившегося в рабочем кресле Марка.

За эти дни он ни разу не заговорил с ней, кроме приветствия утром и пожеланий спокойной ночи вечером. Казалось, исчезни она из его поля зрения на неопределенный срок, он этого не заметит. Робертсон продолжал сидеть, впериw взгляд в одну точку, думая о своих проблемах. И только сейчас она решила его растормошить.

— Эй, ты слышишь меня?

Марк все прекрасно слышал. Просто разговаривать ни с кем не имел желания. Тем более со своей женой. Внутри все покрылось слоем инея, заставляя все, только что проснувшиеся чувства, впасть в состояние анабиоза. Робертсон вдруг четко осознал, что никогда, ни к кому не испытывал такой сильной, почти неконтролируемой привязанности. Как за такой короткий срок этот сублильный мальчишка с глазами цвета молодой травы смог вывести его, циничного и прожженного бизнесмена, из равновесия? Но Марк прекрасно понимал, что не сможет приползти к юноше просить прощения, не решится теперь за ним бежать. А Данила вообще вряд ли к нему придет по доброй воле. И от осознания этих простых истин становилось еще хуже.

— Крис, зачем ты тогда вообще все рассказала? Рубанула с плеча, — вдруг поинтересовался осипшим голосом мужчина, заметив, наконец, присутствие девушки в кабинете. — Он мог бы остаться здесь...

Лицо Кристины сразу приняло серьезное выражение. Улыбка слетела с губ, оставляя лишь чуть заметную ухмылку, далекую от ироничной или надменной.

— Знаешь, Робертсон, может я плохой человек и никудышная сестра. Но одно я знаю наверняка: ты и мизинца его не стоишь. Никто не стоит, — уверенно произнесла девушка, не дрогнув под брошенным холодным взглядом синих глаз. — Поэтому, пусть ему будет больно сейчас, чем еще больше потом. Из-за твоей прихоти.

— Я бы никогда не сделал ему больно. Теперь — никогда, — внезапно пробормотал Марк, боковым зрением замечая, как расширяются от удивления глаза девушки.

— Черт возьми! Какая ирония! — с чувством выпалила девушка, наталкиваясь на недоуменное выражение лица мужчины.

— Ты о чем?

— Единственный человек, которого ты смог полюбить, предпочел другого мужчину.

— Я его не люблю. Я просто не могу его забыть, хочу увидеть и поцеловать. А еще, не хочу, чтобы он меня ненавидел.

— Милый, объясню, чтоб ты понял. Это и называется любовь. Может, еще не поздно с ним поговорить? Я даже признаю свою вину, раз здесь речь идет о настоящих чувствах.

— А в другом случае не признала бы? — поинтересовался Марк, проворачивая в руке рюмку коньяка.

— Так что? — казалось, Кристина, пропустила вопрос мимо ушей.

— А смысл, женушка? Это ничего не изменит, а время сделает свое дело. Он меня забудет, — горькая усмешка позволяла понять, что это утверждение прозвучало жалко.

— А ты?

— Я уже забыл...

Все вещи были упакованы, и оставалось только переждать томительные ночные часы, чтобы с утра вылететь из Хитроу домой. К людям, которые любят и ждут. К тем, которые не предадут и не продадут ни за какие богатства мира.

Данила стоял у огромного витражного окна в гостевой спальне и задумчиво смотрел на черное ночное небо. Нужно обязательно поблагодарить Эдварда за все. А главное — за терпение и понимание. Хвостов не слепой и прекрасно читает во взглядах мужчины все его надежды и желания. Но почему что-то прочное внутри мешает отпустить воспоминания? Ведь их будет не так уж много. И плевать, что ярче и чувственнее них никогда еще не было.

Стук в дверь прервал размышления и заставил обернуться:

— Come in.* *Войдите.* *

Эдвард решил просить о большем. Он пришел, чтобы помочь Даниле избавиться от наваждения, показать, что может любить лучше. Он был бледен. Широкоплечая фигура чуть ссутулилась, словно в ожидании приговора. Черные глаза сияли даже в ночной темноте.

— Danny, It hurts me to see in such condition. Tell me, what should I do to calm you down? - *Дэни, мне больно видеть тебя в таком состоянии. Скажи, что мне сделать, чтобы успокоить тебя?*

— Nothing. I'm fine. Thanks. - *Ничего. Я в порядке. Спасибо.* — Данила говорил правду. Он был спокоен, просто тоска немного давила на сердце.

— It's just my imagination, isn't it? For God's sake, Danny, I love you! I want you! Just now, for once, let me help you to forget about him! Allow me to show you my feelings! - *Это ведь всего лишь мое воображение, не так ли? Ради Бога, Дэни, я люблю тебя! Я хочу тебя! Только сейчас, только раз, позволь мне помочь тебе забыть о нем! Позволь мне показать тебе свои чувства.* — Эдвард умолял его. Обнимал его. Прикоснулся к губам Хвостова в невесомом, несмелом поцелуе, на который не ответили.

Но Данила позволил. Позволил уложить себя на мягкую чистую кровать. Исследовать свое тело губами. Чувствовать чуждые ему ласки. Ощущать тяжесть чужого, нелюбимого тела.

Позволил взять его, зная, что Эдвард будет нежен, аккуратен. И пусть сердце не стучало в груди, как сумасшедшее. Взгляд ловил черные, но добрые глаза. Не было ни страсти, ни желания. И пусть юноша представлял сейчас синеглазого аристократичного мерзавца рядом. Просто одна ночь не могла ничего решить. Пусть это будет его благодарностью.

Данила позволил любить себя. И Эдвард смирился, чувствуя, что изумрудные глаза вспыхнули золотистыми искрами, представляя совсем другого человека...

На утро Эдвард отвез Данилу в аэропорт. Посадил на самолет и пожелал удачи. Тогда, уже за несколько минут до конца посадки, Хвостов шепнул ему на ухо:

— Thank you, Edward. For everything. I will never forget you. But someday you'll find a proper person and become happy. Good bye, - *Спасибо, Эдвард. За все. Я никогда тебя не забуду. Но когда-нибудь ты найдешь правильного человека и станешь счастливым. Прощай.* — Хвостов ушел, но чутье подсказывало ему, что Эдвард смотрел ему вслед и улыбался...

===== Эпилог =====

Никогда еще на памяти Данилы русская зима не была так сурова. Он смотрел на серебристые ледяные узоры, преобразившие обыкновенное оконное стекло. Разглядывал расплывчатые человеческие фигуры, снующие по заснеженным улицам туда-сюда, пытающиеся скрыться от вездесущего мороза. Сейчас самое время, чтоб подумать. Потому что через десять минут в квартиру ворвутся неугомонные и жизнерадостные лучшие друзья, чтобы еще раз вдолбить в бестолковую темноволосую голову, что жизнь продолжается...

Никого за два прошедших года. Ничего, кроме редкого перепиха. Даже не секса. Просто потому, что мама и друзья устали от его затворнического образа жизни. От его кислой мины. Просто потому, что физиология берет свое.

А сердце уже занято. И как бы глупо это не звучало, оно уже занято Марком. И наверное, будет всегда. Память — хитрая штука. Чем больше стремишься забыть кого-то, тем четче его образ вырисовывается в мыслях, записывается на подкорку. Если подумать, прошло 2 года. 24 месяца. 104 недели. 730 дней... Только сердце все равно стучит, как заведенное, вспоминая сапфировые глаза.

Как хорошо, что мама не видит его депрессии. Она теперь живет у тети Зины. В частном доме с красивым садом. В незагазованном районе с чистым воздухом, несущим из леса тонкий аромат хвои.

Друзья любят его. От них не бывает секретов. Данила сразу рассказал им, что влюбился. В мужчину. А потом хныкал от облегчения на коленях у Марьяны, когда услышал их зазорное: «Он хоть симпатишный?» Кажется, в тот день, они проболтали до рассвета...

Звонок в дверь. Васька пунктуален, как всегда. Наверное, потому что живет в квартире напротив. Марьяна пришла с ним. Они встречаются. А Данила недоумевает, почему тянули с этим так долго...

В Лондоне впервые за долгое время идет снег. Пушистый и белоснежный. Хочется прогуляться. Пройтись по аллее, заглянуть в парк. Марк может себе это позволить. Он теперь свободен. Лишен своей компании. Наполовину. Просто однажды решил передать половину акций Кристине. Ее жажда деятельности немного утомляла. Пришлось чем-то ее занять.

За два года он ни разу не забыл Данилу. Любовники приходили и уходили. Некоторые пытались его удержать, но Марк знал, что его удержал бы только один человек. Но сейчас он живет своей жизнью за тысячи километров от него.

— Марк, что с тобой происходит? — Кристина уже ему не жена, но продолжает исправно встревать в его жизнь со своими советами.

— Я устал,— Робертсон не врет. Два года он думал, что это было помешательством. Что с отъездом Хвостова все придет на круги своя. Но он жестоко ошибался. — Я не могу не думать о...

— Знаешь, я думаю в Москве сейчас морозно. Тебе придется одеться потеплее...

— Черт, ребята. У меня же к чаю ничего нет! — возмущенный Данила бросился в коридор, на ходу зашнуровывая кроссовки и влетая в куртку. — Ждите, я мигом!

Марьяна и Васька прошли на кухню мыть посуду, но не успел парень возмутиться внезапно оказавшемуся в руках кухонному полотенцу, как в дверь позвонили.

— Он метеор, что ли? — хмыкнула девчушка и пошла открывать. — А ты домой тарелки, милый.

Она сразу его узнала. По фотографиям, которые Данила никак не хотел выбрасывать. Он был такой же мускулистый, такой же гладковыбритый, с прямой осанкой, как и на фото. Но вот глаза были грустны, словно у побитой собаки.

— Что вам здесь надо? — голос прозвучал слишком грубо для такой хрупкой и миловидной девушки.

— Здравствуйте, я хочу поговорить с Данилой. Очень хочу.

— Он не хочет.

— Говорить буду я. Пусть просто будет рядом, — Марк стоял не шелохнувшись, разглядывая забавную девчушку и отмечая, что ревнует. Не может же быть она еще одной сестрой Данилы?

— Хорошо. Его сейчас нет. Проходите,— Марьяша буквально втащила его в квартиру. Все-

таки, женщины сентиментальны. Она провела Марка в гостиную, а через пару мгновений уже оттаскивала от Робертсона разъяренного Ваську, схватившего мужчину за ворот пальто и шипящего ругательства.

— Пойдем домой, балбес! Пусть поговорят. Вспомни, в каком состоянии твой друг находится, — причитала девушка, выходя за дверь. Последнее, что Марк от них услышал, было Васькино грубое:

— Молись, чтобы он простил тебя!

Кто придумал бабuleк с авоськами? За что молодым, вечно торопящимся людям такое наказание в виде длиннющей очереди, сплошь состоящей из этих представителей рода человеческого?

Данила не бежал, а летел в свою квартиру в надежде, что друзья не умерли от голода.

— Я вернулся! Блин, там такие очереди! — в гостиной никого не было. Никого кроме...

— Привет, Дэни, — и пакет со сладостями выпадает из рук...

— Зачем ты прилетел? — Хвостов старается не терять самообладания, надеясь, что за два года успел научиться контролировать свои чувства.

— Не знаю, — Марк встает с дивана и подходит ближе. — Прости меня.

— За что?

— За то, что обидел. За то, что ты страдал два года. За то, что не прилетел раньше, — они стоят в коридоре, и Марк прожигает взглядом дверь, зная, что сейчас через нее выйдет в ставшую такой невыносимой жизнь.

— Я тебя простил, Марк. Давно, — сердце бьется, как сумасшедшее, но гордость не позволяет впитаться поцелуем в до сих пор любимые и желанные губы. — Но тебе лучше уйти. Все прошло...

— Я понимаю, Дэни. Прекрасно понимаю, — он уходит, шепнув перед этим на ухо вздрогнувшему парню. — Можно я скажу тебе кое-что напоследок?

— Да.

— Я действительно очень сильно тебя люблю...

Проходит пятнадцать минут, пока Данила приходит в себя. Кажется, недавно хлопнула входная дверь. Кажется, здесь был Марк. Кажется, он сказал.

Он бежит так быстро, как только может. Даже не подумав застегнуть куртку. Глаза блуждают в надежде найти знакомый силуэт. И если бы не снегопад, было бы проще это сделать.

Взгляд цепляется за высокую мускулистую фигуру в длинном зимнем пальто. Кажется, человек курит, растворяя никотиновый дым в зимнем, морозном воздухе. Всего одно имя:

— Марк!!! — кричит Данила и догоняет застывшую фигуру. Он врывается в недоумевающего Робертсона и целует. Долго. Страстно. Жадно. За упущенные два года. И плевать, что

прохожие фырчат и сплевывают, недовольные их поведением. Плевать...

— Марк, — задыхаясь, произносит Данила, оторвавшись от горячих губ. На лице мужчины блуждает неверящая улыбка. — Мне необходимо время, чтобы подумать, что дальше с тобой делать.

— Сколько захочешь, мой мальчик. Сколько захочешь...

---

mir-knigi.org